П. АРШИНОВ

ДВА ПОБЕГА

(Из воспоминаний анархиста 1906-9 гг.)

ИЗДАНИЕ «ДЕЛО ТРУДА» — ПАРИЖ 1929

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работая над материалами по истории анархического движения в России в годы первой русской революции, я натолкнулся на моменты, связанные с моим участием в движении, — на террористическую борьбу с царским самодержавием, на мои аресты и на мои два побега из царских тюрем.

В виду личного характера этого материала, я счел удобнее выделить его в отдельное от остальной работы издание.

В то же время ряд товарищей давно предлагали мне познакомить анархическую среду с делами давно минувших дней, в которых и я принимал участие; в частности — с моими побегами из тюрем и их обстановкой. Настоящая брошюра и выполняет это. Думаю, что она представляет некоторый материал, некоторые данные товарищам, интересующимся различными фактами и эпизодами нашего движения в прошлом.

П. А.

ДВА ПОБЕГА

(Из воспоминаний анархиста 1906 — 09 гг.)

Годы 1905 — 06 были временем, когда все почти анархисты отдали большую дань боевизму — тем или иным террористическим актам. Почти не было анархиста, который по вступлении в ряды движения не делался на все сто процентов боевиком, готовым в любую минуту идти на тот или иной акт. Революционная обстановка, чудовищные репрессии правительства создали атмосферу всеобщего боевизма, в которой рождались и росли бесчисленные и в то же время беспощадные мстители народа. Анархические группы были в каждом городе, на каждом большом заводе. Перед ними вырисовывались задачи большого общероссийского значения, — раз'яснить широким народным массам затеваемый над ними великий обман буржуазии, познакомить с идеей и тактикой анархизма, создать сплоченное анархическое ядро, которое в ближайшую новую революционную волну смогло бы стать авангардом революции, способным увлечь массы, повести по анархическому пути.

Но такая работа была трудна, медленна. Она была связана с задачами более отдаленными и потому не давала исхода революционной энергии, которая кипела в каждом революционном работнике. Обезумевшая реакция давила рабочих непосредственно, сейчас. Карательные отряды и военно-полевые суды производили экзекуции над рабочими сейчас, в данный момент. И естественно, революционные рабочие отвечали на них немедленно, в данный же момент.

С средины лета 1906 г. я работал на листопрокатном заводе Шодуара в рабочем предместье Амура, близ

Екатеринослава. С первых же дней я сошелся там с группой прекрасных товарищей по станку и по идее. Вопросы, вокруг которых вечно вращались наши разговоры во время работы или во время перерыва, касались только революционной борьбы. Самодержавие подвергалось нами, конечно, беспощадному разрушению. Но в те годы у нас это считалось уже азбучным, устарелым, недостаточным. Одновременно с этим мы были наполнены страстным желанием борьбы с капиталистической буржуазией и победы над ней. Алчная и нахальная, повседневно угнетающая и эксплуатирующая рабочий люд, буржуазия, по марксистской науке, в тот момент должна была быть почему-то неприкосновенной, находилась под защитой социалистических партий. С этим мы никоим образом не могли мириться и против этого всем своим существом протестовали. Призывы, которые ограничивали революционную борьбу только свержением самодержавия, подвергались нами критике и бесжалостному осмеянию. В этом отношении мы имели частые схватки с социал - демократами, которых на заводе было достаточно много. Среди последних были известные тогда братья Желтенькие, Фиркович и др. Хотя и рабочие, социал - демократы слепо стояли на платформе буржуазной революции, выработанной в высоких комитетских кругах. Немногие из них, при наших выступлениях, решались усомниться в непогрешимости социал-демократического канона и соглашаться с нами. Подавляющее же большинство их являлось вымуштрованными партийцами, слепо повторявшими наказы своих лидеров из интеллигенции о том, что сначала надо добиться политической свободы, создать республику, а затем уже стремиться к свободе экономической. Этот перезрелый лозунг политической интеллигенции отдавал особым лицемерием в те годы, когда многие из русских рабочих уже знали, что в странах буржуазных республик рабочий класс и экономически и политически подавлен не менее, чем в самодержавной России.

Социалисты - революционеры (рабочие), которых на заводе также было не мало, психологически стояли ближе к нам — анархистам. Они очень сочувственно

встречали нашу критику буржуазной революции, считали себя партией революции и не редко, чтобы не осрамиться перед анархистами, заявляли, что при новом революционном взрыве они также будут идти к социальной революции, звать к экспроприации и помещиков и капиталистов. И должно сказать, что в их устах это не было фразой. По своему революционному чутью, а также под влиянием анархизма, который к тому времени успел уже заявить о себе и ознакомить широкие массы с своей идеологией, многие из них мыслили революцию, как социальный переворот. Вообще, партия социалистов - революционеров была крайне неоднородна. Политический боевизм этой партии (антиправительственный террор) создал ей ореол крайней революционности и привлек в ее ряды группы рабочих, действительно революционных. Конечно, знай эти рабочие о существовании подлинной партии социальной революции, каковой является анархизм, они не задумываясь, вошли бы в эту партию и были бы там более на своем месте, нежели в партии социалистов - революционеров. Но судьбе угодно было поставить не мало таких рабочих в ряды партии социалистов - революционеров, по существу являвшейся типичной партией буржуазной революции.

Когда мы в дискуссиях говорили рабочим эсерам, что социальная революция и их партия несовместимы, что эта партия имеет законченную разработанную программу, в которой русская революция определяется, как революция буржуазная, и что с идеей социальной революции партия эсеров сейчас борется, называя анархистов утопистами, то в ответ на эти доводы рабочие эсеры нам говорили, что программа — вздор, что все дело в массах, а партийная рабочая масса в большинстве своем понимает революцию, как социальную, и во время революции эта масса будет творить социальный переворот и заставит принять в нем участие все партийное руководство во главе с ЦК партии.

Подобными настроениями жили многие рабочие в партии эсеров. В те годы они были характерны для этой партии. Недаром в начале революции целые эсеровские

организации из рабочих об'являли себя анархическими, лишь только знакомились с идеологией анархизма и его тактикой (Екатеринослав). И не даром из этой партии выделился союз максималистов, ставший на платформу социальной революции в России.

Из числа таких рабочих эсеров был и Василий Бабешко. До этого он прошел уже богатую революционную школу: участвовал в ряде забастовок, в том числе и в знаменитой забастовке в 1903 году, был активным деятелем в декабрьском вооруженном восстании рабочих в г. Александровске, откуда после подавления восстания бежал, скрывался долгое время и лишь недавно устроился на заводе Шодуара. Там я и встретился с ним впервые. Оба мы работали в одном и том же механическом цехе, ежедневно встречались и, хотя находились в разных политических партиях, быстро сближались. Бабешко был много старше меня, — ему было 28 лет, а мне — только 19, — разница в таком возрасте значительная. Я искренно удивлялся тому, что он такой революционный и так антибуржуазно настроенный, продолжает оставаться в рядах партии эсеров, а не переходит к анархистам. Он возражал, говоря, что я плохо понимаю эсеровскую идею, ссылался на Лаврова, приводил в доказательство его знаменитую брошюру «Кому принадлежит будущее», и утверждал, что между анархизмом и эсеровщиной разница небольшая. Мы спорили. Он более продолжительное, нежели я, время находился в революционном движении (с 1894 года), имел больше опыта, но на моей стороне находилась сила новой великой пролетарской идеи, которая ярко освещала настоящее и будущее порабощенного труда и бесжалостно жгла ложь и лицемерие буржуазии и ее пособников из социалистического лагеря. От на редкость честного и вдумчивого Бабешки не могла ускользнуть правдивость и мощь этой идеи. Он стал признавать анархизм по всем пунктам, но с эсерами еще не порывал. Мне тогда подвернулся очень удачный аргумент. Я указал ему, что партия эсеров в своей практике совсем не имеет актов экономического и антибуржуазного террора, а это следует рассматривать, как решающее доказательство того, что

она является партией буржуазной революции, в противном случае она непременно ввела бы в свою тактику и антибуржуазный и экономический террор. Но Бабешко не нуждался в доказательствах более. Он давно уже сталкивался с узко буржуазной, хотя и революционной тактикой партии. Анархизм раскрывал перед ним горизонты новой борьбы, и он с каждым днем уходил от эсерства все далее и далее. В конце 1906 года он был уже законченным анархистом - коммунистом.

1906 год был временем свирепой расправы царского самодержавия с революционным рабочим классом. Одураченные в октябре 1905 года царским манифестом, рабочие сложили свое оружие, прекратив всероссийскую железно-дорожную забастовку без каких бы то ни было реальных гарантий. Психологически разоруженные, а потому и разрозненные, они в декабре месяце того же года, при попытке вооруженных восстаний, были легко разбиты оправившимся самодержавием. Последнее успело стянуть верные войска в наиболее опасные районы и охватить мертвой петлей бунтующий рабочий класс. Военно-полевые суды работали во всю. В нашем Екатеринославе они особенно усердствовали. Не было дня, чтобы по их приговору не казнили группу рабочих в три, пять или десять человек. Казнили преимущественно анархистов. И надо отдать последним должное, — они не оставались у правительства в долгу. Не было также дня, чтобы от их руки не падал тот или иной агент правительства. В Кайдаках, на Чечеловке и особенно у нас на Амуре полиция была буквально разгромлена оружием анархистов. На Амуре полиция менялась неоднократно, но всякий раз, когда на место убитых околодочных и городовых из Екатеринослава присылали новых — последние на второй или третий день оказывались уже убитыми. Был момент, когда полицейские отказывались идти служить на Амур. Июль, август и сентябрь месяцы революционный Амур жил совсем без властей. На полотне железной дороги близ Днепра каждый вечер собирались рабочие массовки, где свободно лилось революционное слово анархистов и других партий. Это был поистине редкостный период безвластия, период

полной свободы, о котором многие и многие амурские рабочие не без волнения вспоминают и по сей день.

Но в сентябре - октябре на Амур было поведено усиленное наступление властей. Был поставлен отряд стражников в 100 человек и введен сильный наряд полиции. Губернские власти отдали приказ — «вывести анархистов на Амуре». Начались сплошные облавы, аресты и убийства среди дня мало-мальски подозрительных рабочих. Многие анархисты были схвачены или убиты при отстреле. В это время был убит замечательный наш товарищ — Фишель Штейнберг (Самуил), 18-ти летний белостоцкий рабочий, который за несколько дней перед этим выступал на рабочих массовках, гипнотизируя массу своей искренней и необыкновенно проникновенной речью. А еще раньше этого был убит (застрелился при облаве) Павел Гольман, на похороны которого собрался весь рабочий Екатеринослав.

Карательной экспедицией руководил помощник пристава Яков Кривоноженко. До 1900 года он учился в Екатеринославской семинарии, но за пьянство был исключен и несколько лет после этого находился в среде амурских босяков. В годы революции поступил на службу в полицию, быстро выдвинулся пониманием дела, а, главное, — своим преследованием революционных рабочих. Ему-то и был дан амурский район для «наведения порядка». Имея в своем распоряжении сотню стражников и многочисленную полицию, он дни и ночи занимался арестами или убийствами рабочих и, действительно, в полтора-два месяца достиг больших результатов. Десятки рабочих им были убиты на местах, а еще более отдано в распоряжение военно-полевых палачей. Сам он, вечно окруженный сворой полицейских и стражников, одетый в панцырь, оставался недосягаемым для анархистских пуль. Он прекрасно сознавал, что анархисты его ловят и потому взял себе за правило расстреливать на расстоянии, даже без предупреждения, каждого, кто ему покажется подозрительным. Раза два на него производили покушения, но оба раза покушавшиеся были убиты.

В конце концов Кривоноженко сделался полным хо-

зяином Амура. Ему стало уже мало охоты на рабочих. Каждодневно он со своей сворой появлялся на базаре, грабил, сколько ему хотелось, деревенских торговок, наводил нагайками порядок и непременно тащил кого-либо с базара в участок, где обыкновенно побоями отнимал жизнь у приводимых. Подобное же царство полицейского террора установилось в самом Екатеринославе и во всех его окрестностях.

Все это нами остро переживалось. Я, Бабешко и еще несколько товарищей неоднократно обсуждали вопрос, как быть? В первую очередь, хотелось нанести удар новоявленному диктатору, — Кривоноженко, так, чтобы после другим не было повадно идти по его стопам.

Еще раньше нами был намечен ряд необходимых террористических актов, в числе коих стояло «снятие» начальника главных железно - дорожных мастерских г. Александровска Василенко. Это то лицо, которое в дни декабрьского вооруженного восстания в Александровске, помогало властям подавлять восстание. После, на его показаниях была построена существенная часть обвинительного акта. Десятки Александровских рабочих, были тогда либо казнены, либо сосланы в каторжные работы. Как ненавистник и угнетатель рабочих, Василенко проявил себя еще до революции, был дважды вывезен рабочими на тачке и избит. Бабешко лично на себе испытал гнусные отношения этого человека к рабочим и после его роли в подавлении восстания решил отлить ему рабочие слезы. Он поджидал лишь удобного для этого случая. В Екатеринославской группе а.-к. также давно стоял вопрос о снятии Василенко. Но пока от этого акта, так же, как и от многих других, намечавшихся ранее, приходилось отказаться. В первую очередь необходимо было расправиться с Кривоноженко, который у нас на глазах душил всех революционных рабочих.

В организации покушения на Кривоноженко приняли участие трое — я, Бабешко и Николай — токарь с завода Шодуара. После к этому делу была привлечена еще 18-ти летняя работница анархистка — Феня из Екатеринослава. Косвенную, но значительную помощь оказал нам при этом мастер нашего механического цеха

Василий Густавович Бек. Инженер-механик по профессии, Бек был известен в группе екатеринославских заводов, как прекрасный специалист, как инженер с золотыми руками, могущий справиться с большим и сложным делом. Его высоко ценили как инженера, многие заводы желали иметь его у себя. Но постепенно выяснялось, что Бек имеет слишком тесные и хорошие отношения с рабочими, даже конспирирует с ними, и это обстоятельство побуждало администрацию каждого завода настораживаться в отношении его, держать его на втором месте, а иногда и вовсе расчитывать.

И в самом деле, Бек был не только инженером, вступившим в хорошие отношения с рабочими, он был еще политическим борцом, при том довольно левым, участником партии «Народная Воля». После разгрома этой партии он до последних дней сохранял верность ее заветам. Новые партии его не удовлетворяли. Социалистов - революционеров он находил односторонне политическими, порвавшими с социальными идеалами и социальными лозунгами «Народной Воли»; большевиков он считал находившимися в переходном состоянии; они, по его мнению, должны были либо слиться с меньшевиками либо склониться к социальной революции. Он был сторонником последней, и помню, от'езжавшего на партийный с'езд делегата - большевика он инструктировал в смысле необходимости признания с'ездом актов политического и экономического террора, которые, по его, должны были явиться ответом на правительственную реакцию. Ко многим идеям анархизма Бек относился с глубокой симпатией, но организационное неустройство самих анархистов вызывало в нем пессимизм относительно успеха нашего движения в большом масштабе. Когда я говорил ему, что мы только выступаем на арену социально- политической борьбы и что через год-два непременно сорганизуем свои силы, он воодушевлялся и искренно желал нам успеха в этом. Революционную борьбу рабочих он всячески поддерживал и всякому акту против правительства искренно был рад

Нашу анархическую группу на заводе он хорошо

знал и всегда одобрительно кивал, когда замечал нас конспирирующими у станков. Знал он, что у нас стоит на очереди «снятие» Кривоноженко, обсуждал разные способы этого дела. И когда выяснилось, что нам нужны бомбы, для которых необходимо выточить специальные оболочки, он выписал из магазина завода необходимые медные трубы, распорядился так, чтобы в эту ночь в механическом цехе не было никого, кроме нашего токаря Николая. Николай выточил две медные оболочки с прочными нарезными крышками, имевшие необходимые отверстия для бикфордова шнура. Будучи начинены динамитом, они вместе весили 33 фунта.

План нашего покушения состоял в следующем: против дома Кривоноженко сымается квартира приехавшими из Екатеринослава, якобы, мужем и женой. В квартиру вносится некоторая мебель, посуда, книги. Это для видимости. Главное же, в квартире устанавливаются две мощной силы бомбы. Внешне эти бомбы относятся к типу «зажигательных»: из отверстия их крышек выходит бикфордов шнур. Это значит, что для взрыва их необходимо сначала зажечь шнур, который, догорев до центра, зажигает динамитный капсюль и дает взрыв. Без предварительного зажигания шнура бомбы безопасны, их смело можно переносить с места на место. На самом же деле, бомбы наши были «химическими»: при малейшем наклоне их, они немедленно взрывались. Тип «зажигательных» им был придан для того только, чтобы обмануть бдительность полиции и легче ее накрыть. К этой квартире и бомбам мы привлекаем полицию предварительным взрывом, который раздается из этой же квартиры, но не должен быть столь сильным, чтобы опрокинуть основные бомбы. Мы имели полную уверенность в том, что как только раздастся предварительный взрыв, полиция во главе с Кривоноженко немедленно нагрянет на квартиру, набросится на бомбы и от неосторожного обращения с ними будет вся взорвана.

Утром 21 декабря 1906 года Николай вместе с Феней сняли квартиру по Церковной улице прям против дома Кривоноженко. Бомбы были начинены накануне, но не были поставлены на «бой». Это следовало сделать

лишь на месте, чтобы после того совсем к ним не касаться. Для этого в последнюю минуту пришел Бабешко. Он установил бомбы в надежном месте, в печке, вставил в них трубки с серной кислотой, наглухо завинтил их, а под выходной дверью положил динамитный патрон, который через час-полтора должен был взорваться от соединенного с ним тлеющего трута. Когда все было сделано, он ушел вместе с товарищами.

В 9 часов утра все мы встретились на заводе и стали напряженно ждать развития дела. Из-за дальности расстояния и шума на заводе предварительного взрыва нам не удалось слышать. Но во время обеденного перерыва мы узнали, что взрыв был около 10 - 10 1/2 часов и что полиция уже роется в доме. Это происходило в двух минутах хода от нашего дома. С минуты на минуту я ждал, что вот-вот последуют взрывы. Но время шло, а их не было. Нервы напрягались до крайности. — «Неужели, неужели неудача?» — сверлило в мозгу. Неужели динамит не годен или кислота плоха? При одной такой мысли охватывало бешенство. Около нашего дома и дома Кривоноженко собралась большая толпа любопытных, следившая за действиями полиции. Живая почта в лице детей вихрем носилась по улице и сообщала все новости: найдены две бомбы, ищут еще; ломают печь, пол. Я вновь с напряжением стал ждать взрывов. — Не может быть, чтобы бомбы не взорвались, раз они уже попали в руки. Но они все не взрывались. Наконец, сообщают, что полиция выстроилась и медленно пошла по направлению к своему помещению. Бомбы несут впереди, при чем каждую бомбу несут два стражника и в том положении, в каком нашли их на квартире. Благодаря этому шествие двигалось очень медленно. Мне нужно было спешить на завод и, проходя соседней улицей, я искоса бросил взгляд и увидел чинное шествие стражников с смертоносными сосудами в руках. Хитрые бестии проявляли чрезвычайную осторожность. Даже нам, знавшим весь секрет этих бомб, трудно было проявить большую осторожность. — Значит не попались на нашу удочку, не обманул их бикфордов шнур — думал я про себя. Должно быть учитывали опыт других полиций.

В завод прихожу с небольшим опозданием и застаю там на своих местах Бабешко и Николая. Бабешко мрачнее ночи. Начинаем искать виновных: может быть, трубки были недостаточно наполнены кислотой или, может быть, бертолетовая соль не годна? Нет, все в порядке; соль была проверена, а трубка до такой степени наполнена, что раза два обожгла пальцы Бабешко. В чем же дело? Об'яснений нет. — «Я все-таки верю, говорит Бабешко, что бомбы непременно взорвутся». Решили ждать, но надежды были слабые.

На другой день, 22 декабря завод наш закончил работу в полдень и закрылся на праздники. Николай бывший нелегальным, чтобы несколько замести следы за собой, с вечера уезжал в Петербург недели на полторы. Мы с Бабешко оставались. Между первым и вторым часом того же дня я выходил из дома в баню и вдруг услышал два отрывистых, друга за другом последовавших, звука. Смутно в моем сознании мелькнула мысль, — а может быть, это наши бомбы? Но казалось странным, что звуки были не особенно сильные. Через полчаса баня наполнилась новыми людьми, и уже сообщалось, что в полицейском участке взорвались две бомбы, найденные вчера в одном доме. Участок разрушен; несколько человек убито и ранено. Я бросил баню и поспешил к Бабешко. По дороге увидел, что завод Шодуара оцеплен стражниками. Последние, не разобрав в первую минуту, откуда произошли взрывы, решили, что снаряды брошены в полицию из завода (полиция отделялась от завода заборчиком). Бабешко я застал дома и передал ему радостную весть. Он сиял. — Вот видишь, ликовал он, — я же говорил, что бомбы выполнят свое дело. — До от'езда успели повидать Николая; поделились настоящим, потолковали о будущем.

Подробности взрыва мы узнали от Бека, который немедленно, после взрыва побежал в полицейский участок и видал там всю картину разрушения. Оказывается, в участок, в качестве военных специалистов пригласили несколько казачьих офицеров осмотреть бомбы и решить, что с ними делать. Увидев бомбы, эти специалисты посмеялись неопытности и пугливости полицейс-

ких: пока не подожжешь шнур, бомбы, мол, совершенно безопасны. Кто-то пожелал посмотреть в дно блестящего золотого цилиндра, перевернул его и в ту же секунду один за другим последовали два страшных взрыва, разрушившие полицейский участок и убившие трех казачьих офицеров, околодочного надзирателя и стражника и ранившие нескольких человек. По счастливой случайности (его позвали к телефону) Кривоноженко за минуту перед этим вышел из роковой комнаты и тем спасся. Это не первый случай «везения» ему. Сам он открыто говорил, что покушение готовилось специально на него и взял себе на память кусочек разорвавшегося снаряда.

***

Происшедший взрыв нагнал порядочную панику на амурские и городские власти. Губернатор издал приказ о том, чтобы помещения, в которых будут обнаружены бомбы, взрывались самими властями. Этот бессмысленный приказ вызвал естественно возбуждение домовладельцев и его пришлось отменить. Кривоноженко еще более забронировался и взять его, не пожертвовав несколькими революционерами, не представлялось возможным. Но подобной чести мы не хотели ему оказывать. Приходилось выжидать благоприятного момента.

В первых числах марта 1907 года получилось известие, что Кривоноженко переводится в г. Александровск уже на должность пристава. Мы решили не упустить момент и взять его при посадке в поезд или в дороге. Необходимо было знать время и место его от'езда. Это взял на себя Бек, живший по соседству с Кривоноженко. И вот 6-го марта часов в шесть вечера Бек спешно сообщает мне и Бабешко, что через три часа Кривоноженко уезжает с вечерним девятичасовым пассажирским поездом со станции Амур. Сопровождает его группа стражников в 4-5 человек. Надо было немедленно решить, брать сейчас Кривоноженко или нет. Решили брать. Ибо это последний момент, когда он у нас так близко под руками; впоследствии, быть может, трудно будет его сыскать. Быстро достали мы свои новенькие

браунинги, недавно полученные и еще необстреленные. Попрощавшись с Николаем и членами своей семьи, я и Бабешко отправились на вокзал и стали там поджидать Кривоноженко. Он явился с довольно многочисленной группой стражников минут за пять до отхода поезда. Взять его не было возможности, не обрекши себя на верную смерть. Решили сесть в поезд и там улучить момент. С Кривоноженко сели в поезд три стражника, но к нашему огромному разочарованию и озлоблению они прошли в вагон 2-го класса и заперлись в одном купе с Кривоноженко. Нам оставалось одно — доехать до Александровска и тамъ на вокзале, при выходе Кривоноженко из вагона, расстрелять его и его стражу. Поезд туда прибывал поздно ночью и вряд-ли в это время на вокзале могла находиться особая стража. Томительно стали мы ждать под'езда к Александровску.

По дороге я вспомнил, что еще ни разу не пробовал своего нового браунинга. Такие новенькие как раз и подводят. Я прошел несколько вагонов, зашел в помещение истопника, который находился где-то в другой части поезда, плотно закрыл за собой дверь и произвел выстрел в открытую печь. Браунинг легко отдал и исправно поставил новый патрон на место выпавшего первого. Звук выстрела был довольно громкий, но мне казалось, что за грохотом поезда он не мог быть слышен в отдаленных вагонах. И действительно, Бабешко, бывший через вагон от меня, не слыхал его.

После четырехчасового, томительного от ожидания, пути мы стали под'езжать к Александровску. Последний пролет мы стояли на площадке вагона и всматривались в приближающийся к нам город. Вот, наконец, замелькали огни станции, поезд наш замедлил ход и подкатил к платформе. Каково же было наше удивление, когда на платформе мы увидели многочисленный наряд полиции. Ясно, что он прибыл встречать Кривоноженко. Как только последний вышел из вагона, полицейские и околодочные немедленно окружили его тесным кольцом, и все вместе двинулись к выходу, на заднюю сторону станции. Что делать? Вопрос надо было решить в две-три секунды. Было мучительно больно отказаться

вновь от начатого дела. Но сейчас наше положение стало еще хуже того, какое мы имели четыре часа назад, на станции Амур. Теперь нам предстояло вступить в перестрелку с 14-15 стражниками. Быстро мы переглянулись. — Ну, как? — шепнул я. — «Если решим погибнуть сейчас, то можно начать», — ответил Бабешко. Чрезвычайным усилием воли мы все же и на этот раз удержались от выступления. Кривоноженко тем временем сел в закрытый фаэтон и, сопровождаемый верховыми стражниками, быстро умчался. Из полумрака станционного здания мы взглядом проводили помчавшуюся свору и, когда она скрылась, искренно рассмеялись своей неудаче, которая так настойчиво преследовала нас всю эту ночь.

Надо было подумать об устройстве самих себя. В Александровске я был впервые, знакомых в нем никого не имел и потому вопрос нашего устройства всецело предоставил Бабешко. Мы пробыли около часа в помещении вокзала, а затем, как только стало светать, отправились к местному рабочему, — другу и приятелю Бабешко — Зотенко. Последний работал в тех самых железно-дорожных мастерских, начальником коих был от'явленный палач рабочих инженер Василенко и откуда Бабешко бежал после вооруженного восстания в декабре 1905 г. У меня мгновенно мелькнула мысль, что раз дело с Кривоноженко сорвалось, то надо покончить с Василенко, который все равно стоял на очереди. Одновременно почти такая же мысль мелькнула и у Бабешко. Обидно за себя и неловко перед товарищами было возвращаться ни с чем после такого длинного и хлопотливого путешествия. По дороге к Зотенко мы окончательно решили, что сегодня же «берем на себя» Василенко, если только он здесь и не будет непреодолимых препятствий.

Зотенко встретил нас, неожиданных гостей, очень хорошо. Мы сразу познакомили его с мытарством и неудачей протекшей ночи и посвятили в свои дальнейшие планы. Он нисколько не был удивлен и совместно с нами принялся обсуждать план нашего нападения на Василенко, как будто мы уже не в первый раз вели с ним

беседу на эту тему или как будто этот план был и его планом. Последнее скорее всего отвечало действительности, так как редкий рабочий александровских мастерских не задумывался о «снятии» Василенко. Зотенко же был боевик, случайно не раскрытый администрацией жел. дороги и полицией. Он познакомил нас с нынешним положением в мастерских. Рабочие все более и более завинчиваются. Индивидуальные увольнения за грехи недавнего прошлого продолжаются. Ходишь на работу, но каждый день ждешь либо увольнения, либо ареста. На каждом шагу вводятся порядки, унижающие всякое достоинство рабочих. Жмут экономически и административно. И, конечно, во главе этого похода на рабочих стоит Василенко. Он все грозит и обещает навести в мастерских «настоящие порядки».

Взять его, по мнению Зотенко, удобнее всего на полотне железной дороги, по которому он каждое утро идет в мастерские. Всегда около 8½-9 ч. утра он, без всякой охраны, подходит к мастерским. Час этот удобен тем, что в это время город еще не вполне встал на ноги, жандармерия и полиция лишь размещаются по своим районам. Можно бесшумно сделать дело и быстро скрыться. Мы так и решили. Шел уже седьмой час. Зотенко заспешил на работу, пожелал нам успеха и благополучия, сказал, что с нетерпением будет ждать первых сигналов дела, попрощался и ушел. Мы остались в обществе его жены, которая подкрепила наши силы завтраком, рассказала, какими улицами идти к мастерской и какими следует отступать, чтобы лучше скрыться.

Времени у нас оставалось немного, — не более часа. Надо было еще раз обсудить план нападения, предусмотреть разные мелочи, сделать все необходимое. Решено было подойти к Василенко с письмом, передать письмо ему в руки, и когда он займется им, стрелять в него. Письмо решил передать Бабешко, как рабочий, которого Василенко должен знать лично. Он же хотел первый стрелять в него. Мы взяли конверт и бумагу. На конверте я написал: «Его Высокоблагородию, Ивану Потапычу Василенко, Начальнику главных жел. дор. мастерских». — Что же положить в конверт? Пустой лист

бумаги или написать что либо? Решили в двух словах написать мотивы убийства. Я написал фразу: «Как враг рабочего класса, вы приговорены рабочими террористами к казни за вашу роль в подавлении декабрьского восстания, за репрессии». Бабешко эта фраза не понравилась: она грозила растянуться. — Пиши, — сказал он, — просто: Смерть врагам рабочего класса! — и больше ничего. Я разорвал первай лист, взял второй и написал: «Смерть врагам рабочего класса! Да здравствует рабочий классовый террор!» — Хорошо, больше ничего не надо, — сказал Бабешко. Мы запечатали письмо, проверили браунинги, магазинки к ним и, попрощавшись с женой Зотенко, постарались незаметно выйти из ее квартиры.

На улице стояла непроходимая грязь от шедших накануне дождей. Мы находились в окраинной части города и пробирались к полотну жел. дороги. Некоторое расстояние приходилось идти полем. На душе не было никакого беспокойства. Волевое напряжение убило всякое волнение. Мы были вполне уверены в том, что выполним намеченный акт и благополучно скроемся. Молодость ли тому была причиной или же обстановка казалась нам крайне благоприятной, но мы ни в малейшей степени не сомневались в благополучном для нас исходе дела и расчитывали того же дня вечером быть у себя дома. Незаметно мы приблизились к полотну жел. дороги и через минут пять справа от себя, на расстоянии, увидели две мужские фигуры, шедшие по направлению к мастерским. Бебешко стал всматриваться и через некоторое время в одной из фигур стал узнавать Василенко. Мы прибавили ходу, стараясь опередить шедших людей и пересечь им дорогу раньше, чем они поровняются с нами. Мы быстро сближались по линиям прямого угла. «Это он» — шепнул Бабешко. Я сейчас же спустил предохранитель браунинга, находившегося у меня в кармане пальто. Мы стали подыматься по насыпи на полотно и взобрались на него в то время, когда Василенко не дошел до нас шагов на 25-30. С ним шел молодой человек и, видно, о чем то просил его.

Приходится удивляться, почему Василенко сразу же

не проявил необходимой подозрительности в отношении нас. Он видел, как мы издалека пробирались к полотну жел. дороги и, взобравшись на него, замедлили ход. Этого не должен был не учесть такой человек, как он. Должно быть, спутник его, очевидно случайный проситель, заставил его в этот момент мыслить в ином направлении и усыпил в нем бдительность.

Когда они поравнялись с нами, Бабешко слегка приподнял шапку и передал письмо Василенко. Тот взял письмо, удивленно пробежал глазами адрес и начал распечатывать конверт. И вот в этот момент я произвел выстрел прямо в грудь Василенко. Спутник его в ужасе отпрянул в сторону, а сам Василенко с дико вывороченными глазами засуетился и в мгновение выхватил из бокового кармана пальто блестящий никелевый браунинг. Я спокойно, один за другим, произвел три выстрела ему в лоб. Характерная тень прошла по его лицу, и он ничком повалился на земь. Это произошло так быстро, что Бабешко не успел произвести ни одного выстрела. Произошло это недалеко от мастерских, где стояли сторожа и группа рабочих, которые все видели. Мы спустились с насыпи и медленно направились через поле опять в город. Бежать мы не хотели, это нам казалось унижением революционного достоинства, и мы некоторое время шли шагом. Это удовольствие оказалось для нас роковым. Побеги мы сразу, мы перебежали бы поле и вошли бы в город ранее, нежели туда дошла тревога, и свободно могли бы замести свои следы в маленьких кривых уличках. Но мы упустили 5-7 минут времени, в течении которых был поднят невероятный шум в разных пунктах недалеко от места происшествия. Как раз в это время случайно проезжала коляска с жандармами. Она устремилась к нам, раздались выстрелы. Со стороны завода неслась группа людей с криками и жестами в нашу сторону. А на окраине города, куда мы держали путь, стояли уже толпы людей, смотревших на нас. Мы тогда стали бежать, стараясь скорее попасть в город и в нем скрыться. Первую группу людей, хотевшую нас перехватить, мы рассеяли простым наведением на нее револьверов. Попав на улицу, мы хотели придать себе спокой-

ный вид, дабы не привлекать к себе внимания еще большего, перейти из одного двора в другой, из одной улицы в другую и так скрыться. Но многочисленные толпы с отчаянными криками мчались за нами. Показался городовой, бегущий нам на перерез; пришлось дать по нем несколько выстрелов. Толпа возросла, вопль ее несся с разных сторон. Появились жандармы, конные стражники и началась всеобщая бешенная погоня за нами.

Мы перебегали из двора во двор, стараясь так скрыться. Но попадавшиеся нам дворики были крохотные. Толпа и конная стража все время не упускали нас из вида и в то же время перерезали нам путь. С боков, через заборы по нас беспорядочно стреляли, на что мы отвечали также беспорядочной стрельбой. Пробежав так несколько кварталов, мы почувствовали, что погоня как будто отстала: шум и крики стали слабее. Мы перевели дух и стали прислушиваться. Крики совсем стихли. Мы решили, что погоня устремилась по ложному пути. Так мы простояли в одном сарайчике минут десять и намеревались уже пробираться дальше, когда из за заборов показались несколько голов стражников, засматривавших во внутрь двора, а с задней стороны явственно послышались приближающиеся шаги и осторожные людские голоса. Не было сомнения, что мы окружены. Мы решили биться до последнего. Подбежав к забору, мы дали несколько выстрелов в стражников, отбросили их, перескочили через забор и побежали дальше. Но уже со всех сторон к нам неслись группы стражников, полицейских и жандармов. Впопыхах мы, вернее Бабешко, не заметили, что приблизились к самому полицейскому участку, откуда на нас выбежали все находившиеся там полицейские и стражники. Совершенно непонятно, как в тот момент нас не убили и даже не ранили. Нас беспрерывно обстреливали на растоянии нескольких шагов. Я видел, как один жандарм в двух шагах стрелял в спину Бабешко, перелезавшего через забор, и даже не задел его. Надо думать, что крайне тугая пружина нагана была причиной столь неудачной стрельбы. В конце концов, мы очутились совсем около полицейского участка, и последняя наша борьба происходила во дворе какого то дома

казенного образца. Браунинг Бабешко перестал работать — испортился затвор. У меня имелось еще несколько патронов, которые я торопился вставить в свой исправно действующий браунинг. И вот в этот момент я был сбит с ног каким то тяжелым ударом со стороны, откуда я его не ожидал. В ушах у меня зазвенело; на мгновение пелена застлала мне глаза. Я собрал все усилие воли, чтобы не потерять сознания и действительно не потерял его. Но в это время группа жандармов уже навалилась на Бабешко. У меня был выбит браунинг. Уже в лежащего и избитого один жандарм в упор выстрелил в меня, но опять промахнулся.

Били нас нещадно — кулаками, ногами и ручками наганов по голове и по чем попало. Через минуту, две мы представляли собою сплошные окровавленные и растерзанные тела. При многочисленной толпе любопытных нас связанных поволокли в участок. Там уже было в сборе все начальство. Как только нас втащили в помещение, какой то пристав или околодочный с горестным видом закричал: — «почему вы не пристрелили их на месте? А теперь уже нельзя, поздно». Кинулись к нам и первый вопрос задают: — Кто вы такие? Жиды? — Мы рассмеялись. — «Таких подлецов, как Василенко, должен бить всякий честный человек» — заметил Бабешко. Несколько жандармов сейчас же узнали его: им раньше приходилось сталкиваться с Бабешко здесь в Александровске. Стали записывать наши имена. Узнав, что мы оба русские, начали допытываться, сколько мы получили от евреев за совершенное дело. Они отказывались верить, что мы совершили убийство не за плату. Бабешко по этому поводу ругнул их и дал несколько резких и смелых замечаний, содержания которых я не помню, но которые, помню, заставили полицейских с изумлением и любопытством посмотреть на него. В это время, в комнату, где нас допрашивали, ломилась масса любопытных «взглянут» на террористов. С любопытством осматривали нас и сами полицейские. Какой то чиновник, вероятно служивший здесь же при участке, умоляюще просил позволить ему войти в комнату и «посмотреть». Ему позволили. Он долго смотрел на нас и видно было, что

испытывает удовлетворение — «Каждый день читаешь о террористах, а никогда в жизни не видел их. Так вот какие они» — говорил он, осматривая наши растерзанные фигуры с расквашенными и распухшими лицами.

Часа через два нас под усиленным конвоем повели на допрос к следователю. Я, более избитый, с совершенно изуродованным лицом, покрытым корками крови и грязи, отказался отвечать следователю, пока он не даст мне возможности привести свое лицо в порядок. Тот с гримасой дал мне кувшин воды. Допрос у него продолжался не долго. Не успел он выбить на пишущей машинке одну страницу, как его вызвали к телефону, после чего он сейчас же отослал нас обратно. Мы не поняли в чем дело. Ночь и следующий день мы провели довольно тревожно. Камерка (при участке), куда нас посадили, была крохотная; в ней одно окно и дверь. И вот, то через окно, то через дверь часовые просовывали винтовки со штыками и все грозили подколоть нас. Угрозы и ругательства сыпались беспрестанно. Заснуть нельзя было. Наше положение было для нас неизвестностью. Что с нами намерены делать? Будут ли судить немедленно, или же передадут дело общему суду? Спросить было не у кого, кругом сплошная вражда. Лишь через день у окна нашей камеры стал часовой, который не проявлял к нам вражды. Мы заснули немного и отдохнули. Тот же часовой, улучив минутку, шепнул — «сегодня вам суд». Стало ясно, что нас будет судить военно-полевой суд. В смертном приговоре нельзя было сомневаться. Мы это учли, набрались мужества и стали поджидать своего часа. Немного спустя нам шепнули, что из Екатеринослава привезли для нас палача, который уже второй день живет в соседней с нами комнате.

В пять часов вечера того же дня — 9-го марта 1907 г. — нас вывели на улицу и под конвоем 50-60 верховых стражников и солдат пехотинцев повели в суд. Здание суда находилось на какой то площади, сплошь усеянной народом, который знал, очевидно, о моменте суда над нами. Нас ввели в помещение, где за красным столом сидело человек пять-шесть военных. Быстро шла процедура суда. Один за другим появлялись свидетели —

стражники и жандармы, ловившие нас — и рассказывали об обстоятельствах дела. К удивлению нашему, на суде не был главный свидетель, тот молодой человек, на глазах которого был убит Василенко. Допросили нас. Мы подтвердили факт убийства Василенко с «заранее обдуманным намерением». Бабешко дал характеристику Василенко и заявил, что не нами, так другими рабочими, он непременно был бы убит.

Суд удалился на совещание и через 15-20 минут возвратился с приговором: за убийство начальника главных жел. дорожных мастерских Василенко и за вооруженное сопротивление чинам полиции Василий Бабешко и Петр Аршинов приговариваются к смертной казни через повешение. Приговор никакому обжалованию не подлежит и приводится в исполнение в ближайшие 24 часа.

Нас вывели из здания суда. Площадь вся была залита народом. Бабешко охватил себя руками за горло и вздернул кверху, что означало — приговорены к повешению. Несомненно, помимо многочисленных врагов в толпе было много неизвестных нам друзей-рабочих, которые мысленно слали нам сочувствие свое. Им, главным образом, Бабешко и подал свой знак. Впоследствии мы узнали, что тут же в толпе находилась и сестра Бабешко, приехавшая из Екатеринослава. Она видела и поняла знак брата.

С тем же многочисленным конвоем мы были водворены на свое место в участок. Срок оставался нам небольшой. Вешать наверное будут этой ночью часа в 2-3. Нам, следовательно, оставалось пять-шесть часов не больше. Этот срок мы решили провести в собеседовании, поделиться своими заветными мыслями. Но вначале мы хотели написать письма своим близким родным. Сказали администрации, и та дал нам по листу бумаги и карандаш. В письме к матери я просил главным образом прощения за тот тяжелый удар, который наносил ей своей смертью. Я писал, что умираю за правое дело, просил не горевать поэтому. Передавал привет всем товарищам и просил «вспоминать иногда меня». Мы прочли написанные письма друг другу и передали их администрации.

В воспоминаниях каждый из нас рассказал историю своей жизни с юных лет; рассказал, что в ней было наиболее красивого и запечатленного. И, странно— во многом рассказы и направления наших рассказов совпадали. Во многом мы касались однех и тех же сторон нашей жизни. Мы рассказали о своих личных привязанностях. Рассказали, когда и под влиянием каких обстоятельств встали на революционный путь, что было пройдено и пережито на этом пути. Бабешко с 1894 г. работал в партии соц.революционеров; я — с 1905 г. в организации большевиков. Но — замечательно — и он и я, находясь в организациях социалистов, социализм представляли себе в его полном виде, как цель борьбы сегодняшнего дня. И борьба наша носила характер подлинной борьбы за социализм. Хитроумные партийные программы, внушавшие рабочим мысль, что в нынешней революции нельзя трогать буржуазию, так как эта революция буржуазная, были противны нашему естеству. Ничто в нас не мирилось с ними. Нет никакого сомнения, что большинство рабочих переживало то же. Нужны были многочисленные сети, сотканные из разнообразных софизмов, чтобы опутать рабочую массу и повести бороться за буржуазную революцию. Бабешко это сознавал также, как и я, и также, как и я, перешел к анархизму, где не было противоречия между социалистической идеей и борьбой за нее.

Мы подошли к моменту своего настоящего положения Умирать нам не хотелось. Видели мы, что крайне мало сделали для революции и что лишь в будущем мы могли развить свои силы и свою деятельность. Жалко было этого будущего, которое обещало нам быть таким богатым упорною борьбою и событиями. Акт, за который мы умирали, все же согревал нас. Я сознавал, что он возбудит энергию сотен рабочих, подымет их волю, закалит на дальнейшую борьбу. Это облегчало тяжесть последних минут. Состояние духа было твердое. — Ну, Петр, говорил Бабешко, будем до конца непоколебимыми. В последнюю минуту подадим друг другу руки и вскрикнем, — да здравствует анархия!» Мы так и условились.

Между часом и двумя ночи в нашу камеру быстро вошел Кривоноженко в сопровождении нескольких стражников и устремился прямо ко мне. «Это ты?» — сказал он, усиленно всматриваясь в мое лицо (Кривоноженко знал нашу семью, еще когда был семинаристом и затем после, когда босяковал. Очевидно, он прочел адресованное моей матери письмо). Я кивнул ему головой. — «Что же ты раньше не сказал, я бы что-нибудь сделал для тебя, а теперь ничего не поделаешь!» Я насмешливо посмотрел на него. Он стоял взволнованный и не сводил с меня глаз, потом повернулся и вышел. Мы пробыли еще с час-полтора сами.

Около трех часов ночи нас оповестили, чтобы мы были готовы. Затем, минут через десять, вывели на двор, весь запруженный полицией. Нас оцепила рота солдат-пехотинцев, а спереди, по бокам и сзади окружили конные стражники. Под таким конвоем нас повели. Куда? Конечно, на казнь. Бабешко воспользовался близостью солдат и завел с ними разговор. Он говорил о революционной борьбе рабочих, о цели этой борьбы, за что мы боролись и за что погибаем. Солдаты шли, прислушивались, но ни единым словом не отвечали.

Шли мы долго. Прошли весь город и вышли за город, в поле. «Значит, будут в поле вешать» — сказал я Бабешко и стал всматриваться вдаль. В каждом приближавшемся навстречу кусте или телеграфном столбе чудились виселицы, но их все не было. Наконец, перед нами стали вырисовываться контуры большого здания, в котором Бабешко узнал александровскую уездную тюрьму. Действительно, нас привели в тюрьму. Стало быть, казнь над нами совершат в тюрьме. Нам это стало столь очевидно, что мы ругнули себя, как это сразу не догадались. Не в участке и не в поле, а именно в тюрьме совершают казни, особенно через повешение. Мы со своим конвоем стояли у ворот тюрьмы, а начальство тем временем долго переговаривалось внутри двора. Прошло добрых 30-40 минут, а нас все не вводили в тюрьму. Очевидно не закончены приготовления для повешения. Со двора к решетчатым воротам подошел тюремный надзиратель и стал против нас. Бабешко сейчас же ему во-

прос — «Чего же нас не вешают? Ну что, высокие виселицы поставили?» — Надзиратель ядовито посмотрел на него, потом бросил: — «У нас не вешают» — и отошел в сторону. Стукнули, наконец, засовы и замки, ворота раскрылись и нас ввели в тюремный двор. Конвой остался по ту сторону, а нас уже подхватили надзиратели. Мы стали озираться кругом, ища виселицы. Их не было видно. Вот нас подвели к каменному корпусу и приказали подниматься вверх по лестнице. Мы поднялись и попали в полутемный коридор. Я стал ожидать, что сейчас нас неожиданно схватят и будут тут где-нибудь вешать. Для меня это было столь несомненно, что я мысленно перенесся в тот мир, где кончается жизнь. Я рассуждал сам с собою, что вот сейчас я в него перейду. Как же, все таки, произойдет этот переход? Нас подвели к одной двери и стали ее открывать. Последний этап и последнее мгновение. Очевидно, в этой камере и стоят все приспособления для повешения. Дверь открылась, и нас втолкнули в камеру. В ней был свет, и я сразу заметил отсутствие орудий повешения. Наоборот, в дальнем углу стояли нары, с которых начали подыматься удивленные человеческие головы. Приподнялось несколько голов и из другого места, прямо с пола. Мы поняли, что нас посадили в камеру с другими арестованными. Мы подошли к ним: «Здравствуйте, товарищи». — Здравствуйте, — ответили нам. Все с любопытством поднялись на нары. Мы рассказали о себе. Оказывается, они уже слыхали и про наш акт и про наше осуждение. Начали ломать головы, что бы это значило, что нас посадили сюда, а не казнили сразу. Может быть, утром возьмут на казнь? Наши соседи отрицательно покачали головой. —«Тогда бы вас сюда не приводили» — сказали они. — Скорее всего, либо казнь заменена каторгой, либо вас повезут в Екатеринослав, так как это пересыльная камера». Долго искали решения загадки, но так ни к чему и не пришли. Разговор перешел на другие темы, на порядки в тюрьме, на возможность побегов и др. Я почувствовал сильную усталость во всем теле и боль в голове. Примостившись на полу, я быстро заснул крепким сном, после трех суток почти бессонного состояния.

**
*

Через несколько часов меня разбудил шум человеческих голосов и звон кандалов. Я услыхал голос хохочущего Бабешко: «Петро, вставай, тянет на хлеб». Я не понял в чем дело. Оказывается, Бабешко весь остаток ночи провел в разговоре с новыми товарищами, а под утро эти товарищи научили его, как узнать нашу дальнейшую судьбу. Они клали на пол, недалеко друг от друга, камешек и кусочек хлеба. Подвешивали к нитке небольшой груз и заставляли его качаться между камешком и хлебом. Если груз тянуло больше к камню, то это означало худой конец; если тянуло к хлебу — хороший конец. В отношении нас груз настойчиво качался в сторону хлеба. Этот наивный способ узнать свою судьбу искренно рассмешил Бабешко и он весело и громко хохотал.

В камере нашей находилось человек двенадцать. Все они были уголовные. Среди них были рецидивисты, были «обратники» (бежавшие из Сибири), были такие, которым за вооруженное ограбление предстоял военный суд. Большинство были закованы в ножные кандалы. Все были в арестантском платье. Нам тоже бросили арестантское платье, оставив лишь нашу обувь. Через несколько часов вся тюрьма уже знала о нашем пребывании. На прогулку нас выпустили вместе с нашими сокамерниками. Прогулка производилась во дворе, из которого через решетчатые ворота видна была «воля». Того же дня мы получили от ряда неизвестных заключенных знаки сочувствия. Режим в тюрьме был относительно свободный, через арестантов, работающих в коридоре, камеры сносились друг с другом, обменивались новостями, обделывали мелкие тюремные дела.

Мысль, которая поглотила меня и Бабешко с первого дня, была мысль о побеге. Мы находились в положении абсолютной неизвестности за свою ближайшую судьбу. Мы получили (неизвестно в силу какой причины) день-два отсрочки своей казни. Но где гарантия, что нас не казнят сегодня ночью или через несколько дней? Тюремная администрация, у которой мы пыта-

лись узнать что либо по этому поводу, отнекивалась незнанием. Приехали с Амура родные ко мне и Бабешко. На свидании они передали нам, что по распоряжению высших властей смертная казнь была приостановлена. Приостановлена, но не отменена. Словом, надо действовать, действовать и действовать.

Из сидящих в нашей камере заключенных мы остановили свое внимание на одном — Слепцове. Это был статный, красивый парень лет 27-28. Он уже имел приговор в 20 лет каторжных работ за уголовные ограбления и ему предстояло идти в Екатеринослав судиться по ряду других аналогичных дел. В камере он пользовался всеобщим признанием товарищей, однако признанием своеобразным: он считался наиболее смелым, наиболее прожженным каторжанином, не имеющим чего терять. В тюрьме он держался, как у себя дома. Со всеми заключенными имел немедленную связь через коридорных С администрацией вел себя непринужденно, часто ругался, но с некоторыми надзирателями имел какую то конспиративную связь. Вечерами он простаивал часы у волчка, ведя тихую беседу с дежурным надзирателем. Этому Слепцову мы и решили доверить свою мысль о побеге. Он отнесся к ней весьма положительно. Нам он сообщил, что уже некоторое время подготовляет свой побег и что вот уже в течении двух-трех недель обрабатывает для этого надзирателя.

Мы стали разрабатывать план. Он оказался довольно простым и почти безопасным. Главный рычаг в этом плане — это дежурный надзиратель. Когда вся тюрьма засыпает, будучи предоставлена охране двух надзирателей и часового-солдата, «наш» надзиратель открывает нам камеру, выводит из корпуса во двор, где мы хватаем спящего на часах «мента» (второй дежурный надзиратель), душим его и спешно перелезаем через тюремную ограду, для чего мы заранее должны запастись веревками с «кошками» на концах. В это время наши товарищи с воли бесшумно «снимают» часового солдата, который обычно спит ночью за тюремной оградой и которого ничего не стоит взять без всякого звука. Для выполнения этого плана необходимо запастись не-

сколькими револьверами, если можно — одной-двумя бомбами, а также деньгами, часть которых следует заранее дать надзирателю, решившему оказать нам помощь в побеге.

Через день-два в наш заговор и в планы нашего побега были посвящены еще несколько человек из сидевших с нами, которым нечего было терять и которые охотно согласились бежать вместе.

Тем временем мы установили связь с нашими товарищами с Амура. Получая от родных или знакомых передачи, мы неизменно находили в них хорошо запрятанные записки. На эти записки тут же составляли ответ, запихивая его в пустую кошелку, которая возвращалась после передачи принесшему ее. Все превосходно проходило. В несколько приемов мы сообщили проект нашего побега, запросили необходимое оружие, динамит, деньги. На все это мы получили от товарищей с воли полное согласие. С Амура приехал наш боевой соратник, токарь Николай, который известил нас, что он ведет дело нашего побега с внешней стороны, в согласии с нашим планом и сообща с другими товарищами. Передачи поступали к нам ежедневно, и ежедневно мы находили в них записки. Однажды нашли записку, которая обращалась к нам так: — Василий и Петр, — мужайтесь. Это пишу я — Тарас Онищенко. Дело с нашей стороны налажено. Не сомневаемся в успехе. Этапа не бойтесь. — Тарас был старый друг Бабешко, вместе с ним участвовал в вооруженном восстании и ряде боевых актов. Последний год он скрывался где то в Петербурге, о нем ничего не было слышно и вдруг теперь он всплыл и так кстати. Записка его взволновала Василия и влила в нас еще больше энергии и бодрости.

Постепенно нам стали передавать необходимые для побега предметы. Вначале мы получили около 150 рублей денег и часы. Деньги были запечены в куске мяса. Через пару дней получили два браунинга с четырьмя полными обоймами к ним. Браунинги были запечены в хлебах, имевших форму куличей со срезанными шапками. Каким образом администрация, принимавшая пере-

дачи, пропустила их, — трудно понять. Достаточно было взять в руки один из двух хлебов, с виду таких мягких и пышных, чтобы сразу почувствовать нечто неладное — до такой степени хлебы были тяжелы. Но через ворота александровской тюрьмы тогда все проходило. Мы усиленно пользовались «свободой» этих ворот. По общему уговору, все предназначенное для побега, в том числе и деньги, передавались Слепцову. Слепцов ловко заделал револьверы в глубокие отверстия пола, который были кирпичный. Деньги хранил на себе. Кое-какие вещи он поручил на хранение корридорным. Каждый вечер он подолгу беседовал с дежурным надзирателем. Нам он советовал не заговаривать с этим надзирателем, дабы не бросить на него подозрение. Иное дело он — человек здесь известный. Сообща мы разрабатывали план побега, распределяли роли. Было условлено и сообщено на волю нашим товарищам, что в ночь побега в одной из камер верхнего этажа, видимого с воли, на окно будет поставлена лампа, что означало бы — сегодня мы бежим, будьте готовы нас встретить и оказать помощь.

Наконец, последний этап. Мы получили большую корзину провизии, где среди массы булок лежало несколько колец свежей колбасы. Пока мы с Бабешко поспешно разыскивали неизменную записку от Николая или Тараса, наши сокамерники овладели принесенными продуктами и с жадностью набросились на них. Вдруг лицо одного из них, — обратника Никитина — перекосилось отчаянной гримасой, и он стал свирепо отплевываться. В руках он держал кусок колбасы, который отломил от цельного конца и который начал, было, есть, но зубы его натолкнулись не на мясо, а на что-то никогда им невиданное. Мы исследовали «колбасы». Оказывается, несколько кусков их были начинены динамитом. В корзинке они лежали среди других, настоящих колбас, ничем от них не отличаясь. Вот кусок такой динамитной колбасы и сунул себе в рот Никитин. К счастью, он только слегка пожевал ее, не успев ничего проглотить. Но действие этого жевания оказалось ужасным. Через десять минут Никитин испытывал страшные боли и

треск в голове, его рвало и затем он в течение дня, как мертвый, пластом лежал на нарах.

Мы отделили динамитные колбасы от настоящих, и Бабешко занялся исследованием динамита. Он оказался каким-то особенным, не в обычных палочках, каким мы его знали у нас в России, а в состоянии массы, напоминающей серую зернистую икру. Бабешко это сильно озадачило: никогда он не видал такого динамита, хотя дело с ним ему приходилось иметь несколько раз и в разных местах России. Он взял кусочек динамита и попробовал его зажечь спичкой — не горит! Это очень плохой признак. Бабешко уверял, что всякий динамит непременно должен гореть. Раз динамит не горит, — значит он никуда не годен. Сильно это нас смутило и расстроило. Динамит был, очевидно, испорчен, не даром он имеет какой-то странный вид. Он скорее может нас подвести, чем сослужить службу.

Между тем, у всех нас, находившихся в камере, начало сильно ломить голову; пошли какие-то специфические боли с треском. Некоторые не могли стоять на ногах и прилегли на нары. Это динамит проявлял свое действие. Как быть? Схоронить-ли его и в случае нужды использовать в день побега, или же выбросить, как негодный? Бабешко настаивал на том, что динамит порченный, что он не даст взрыва в нужный момент и, следовательно, может только обмануть наши надежды на него. Решили выбросить его. Единственным местом для этого была тюремная уборная. Она имела крайне примитивное устройство: местом для нечистот служили две большие бочки, которые освобождались каждые три-четыре дня. Туда и был брошен динамит, тщательно завернутый в тряпки.

Того же дня и в следующие два, три мы наблюдали, как группы заключенных, приходивших в уборную из других камер, хватались на обратном пути за головы и жаловались на боли и треск в голове, на «угар». Ребята из нашей камеры, пережившие это и знавшие, в чем дело, от души хохотали.

О случае с динамитом мы сообщили через день-два нашим друзьям на волю, и они основательно побрани-

ли нас за совершенную нами глупость. Оказывается, переданный нам динамит был лучшего качества и имел огромную разрушительную силу. Он только на днях был привезен Федосеем Зубарем *) из Швейцарии, был проверен и дал блестящие результаты. Он действительно не горел, но это была особенность динамита этого изготовления. Нам пришлось устыдиться своей оплошности.

Наконец, все приготовления к побегу закончены. Мы готовы. Слепцов назначил ночь побега. С вечера должны были выставить условленную лампу. Но после таинственного разговора с надзирателем. Слепцов отменил на этот раз побег: какие-то обстоятельства не позволили, по его словам, надзирателю быть на дежурстве в эту ночь. Пришлось поджидать более благоприятного момента.

И вот, в эти дни огромных усилий и напряженного ожидания, в один из вечеров, старший надзиратель об'явил на вечерней поверке: «Слепцов, завтра в четыре часа утра на этап. Приготовь вещи». Для нас это был большой удар. Мы к Слепцову, — как же быть? Кто теперь будет продолжать дело? Необходимо, чтобы он свел нас с надзирателем. Слепцов нас успокоил. Во-первых, он постарается отстать от этапа: выпьет с вечера чашку табачного настоя, свалится с ног, его и оставят. Во-вторых, если это не удастся, — он все ведение дела передаст Никитину — «обратнику», сидевшему с нами и принимавшему участие в нашем заговоре. Ему же он передаст деньги и связь с нашим надзирателем. Слепцов с Никитиным долго после этого говорили у волчка с дежурным надзирателем. Положение, говорили они, не ухудшится, даже если Слепцов уйдет на этап. Но следу-

---

* Федосей Зубарь — рабочий с поселка Амур, один из первых примкнул к анархическому кружку в Екатеринославе, созданному Рогдаевым. Был опытным и мужественным боевиком. Летом 1907 г., будучи окружен ротою солдат и стражников, оказал близ Екатеринослава упорное сопротивление, во время которого застрелился.

ет подождать утра, может быть, Слепцову удастся остаться еще на неделю здесь.

Слепцов ушел ночью, когда мы все спали. Утром мы с Никитиным и еще некоторыми предполагавшимися беглецами собрались в угол камеры для обсуждения дальнейших шагов. Но обсуждать пришлось другое. Никитин спросил, получили-ли мы деньги от Слепцова. Мы поразились вопросу и ответили, что, конечно, нет. А разве Никитин их не получил? Вместо ответа Никитин начал яростно ругать Слепцова, называя его прохвостом и предателем нашего дела: он сам устроил себе этап для того, чтобы воспользоваться доверенными ему деньгами. Мы с Бабешкой как с неба упали. — В таком случае все разговоры о побеге, вся подготовка к нему были не более, как обман с его стороны? — спросили мы. — Конечно обман, — ответил Никитин. — А как же надзиратель? — Какой там надзиратель, махнул рукой Никитин. — Разве мы слыхали, о чем он говорил с надзирателем? Говорил о своих делах, и мало-ли о чем он мог говорить с ним. — Но ведь вы тоже вместе с ним нас убеждали, что дело с надзирателем готовится и что на днях можно будет бежать. И еще вчера подтверждали, что принимаете от него наши деньги и связь с надзирателем. Что же это вы правду говорили или тоже обманывали — Никитин начал путать: вначале, де, он верил Слепцову, а последнее время перестал верить, но разоблачить его боялся, — мог быть убитым за это. — А как же насчет денег? Ведь вы же с вечера должны были получить их от Слепцова? — Он мне после сказал, что решил передать деньги вам самим. — А что же с револьверами, часами и прочим? спросили мы. — Часы забрал себе коридорный за услуги, а револьверы здесь зарыты на прежнем месте.

После ряда обвинений и оправданий в таком же роде Никитин отошел от нас и начал со своей группой шушукаться и конспирировать в отношении нас.

Мы увидели, что все время имели дело с отчаянными мошенниками, которые пользовались нашей неопытностью, незнанием тюремного быта и людей. Никитин и оставшиеся с ним искренно ругали Слепцова, но, как

мы узнали на другой день, только за то, что Слепцов обманул их, также как и нас. Каждому из них он обещал определенную сумму денег и каждого надул, ухитрившись увезти все деньги с собой *).

Ссориться с Никитиным и с его товарищами нам не имело никакого смысла. Гораздо важнее было не дать разнестись по тюрьме слуху о том, что мы затевали и затеваем побег. Мы поэтому предательский поступок Слепцова, к которому и они были причастны, как бы вычеркнули из своей памяти. Сгладили отношения и стали развивать планы о побеге в другом направлении. Они охотно на это пошли, и отношения восстановились. Планы, один фантастичнее другого, ежедневно предлагались ими. Мы для вида обсуждали их. Про себя же решили действовать самостоятельно и конспиративно от этой коварной публики.

Вскоре всю нашу камеру разбили и рассадили по другим камерам. Я с Бабешко попал двумя этажами выше в камеру № 10 или 11, где находились и подследственные и уже приговоренные к каторге. Камера возвышалась над тюремной стеной и из нее открывался вид на волю. Совсем не далеко ходили прохожие, и можно было расслышать их голоса. Встретили нас там хорошо. Сейчас же засыпали упреками, как это мы в таком серьезном деле, как побег, доверились Слепцову, всем из-

---

*) В Екатеринославской тюрьме, куда прибыл Слепцов, он на привезенные деньги повел «широкий образ жизни», сообщая, что экспроприировал буржуа. На его несчастье в тюрьме тогда находилась масса анархистов-боевиков, в числе коих были Троценко, Нагорный и др. После, уже будучи на свободе, мы им сообщили о поступке Слепцова и о том, на какие деньги он пирует. Слепцов немедленно был подвергнут всеобщему бойкоту и преследованию. В камеру предателей («сучий куток») он ни за что не соглашался идти и проводил свои дни, гонимый из одной камеры в другую. Это так его истерзало, что когда пришел день его казни, он, по сообщению очевидцев, пошел на казнь, как на избавление от мучительного всеобщего презрения и бойкота.

вестному болтуну. Оказывается, здесь знали все подробности нашего злосчастного побега, знали, что имеется оружие и где оно спрятано. В соседней с нами камере тоже все это знали. Нас это встревожило. Но нам ничего не оставалось делать, кроме как присматриваться к людям и выжидать.

Тяжело было нам писать на волю друзьям о постигшем нас ударе. С их стороны в дело было вложено столько усилий, забот и души, что сообщение о провале дела произвело бы на них не менее тяжелое впечатление, чем на нас. В коротких словах мы сообщили им о происшедшем, сказали, что не теряем надежды и что через пару дней выяснится дальнейший ход этого дела.

Наши новые сокамерники засыпали нас всяческими планами побега, но все эти планы являлись большей частью беспочвенной фантазией. Среди них имелись люди с волей, осужденные уже на долголетнюю каторгу. Они несомненно приняли бы участие в побеге, но подготовить побег сами не были способны. Их услугами мы воспользовались пока в одном: попросили оставшиеся в нижнем этаже браунинги переправить в нашу камеру, чтобы иметь их под руками. Это они сделали быстро, заделав браунинги в кирпичную стену печи. От них мы узнали путь сношения с волей при помощи окна нашей камеры. Проделывалось это следующим способом: записка закатывалась в мякиш черного хлеба, который всегда бывал влажен и мягок, как глина. Закатанная таким образом записка с силой перебрасывалась через тюремную стену, где ее подымало лицо, коему бросалось. Этот путь сношения, как будет видно ниже, сыграл огромную роль в дальнейшей нашей судьбе.

Политических в тот момент в тюрьме почти не было. На нашем коридоре сидело два-три человека, обвинявшихся за связь с партией социал - демократов и с партией эсеров. Ничего серьезного за собой они не имели. Один расчитывал в скором времени освободиться до суда, другому грозил год крепости, не больше. Идя в уборную, они каждый раз подбегали к волчку нашей камеры и успевали перекинуться с нами несколькими словами. На коридоре стоял надзиратель, который

смотрел на это сквозь пальцы. Через несколько дней нам удалось сойтись с ними в их камере. Они имели хорошие отношения с одним надзирателем, который за некоторую мзду оказывал им различные мелкие услуги — ходил на квартиры к их родственникам и знакомым, приносил им письма, деньги. Его то они и попросили устроить свидание с нами. Надзиратель этот, улучив на своем дежурстве удобный час, вывел меня и Бабешко из нашей камеры и ввел к ним. Разговор коснулся нашего положения. Мы рассказали о своих попытках к побегу и об обмане Слепцова и пр. Они предупредили нас против наших сокамерников — уголовных, говоря, что это публика несерьезная, болтливая и что лучше всего дело о побеге вести самим, в секрете от них. Стали обсуждать возможности побега. О подкупе надзирателя, который бы помог выбраться из тюрьмы, не могло быть и речи. Таких здесь не было, да и денег на это мы не достали бы. Необходимо было действовать в ином направлении. Один из двух наших собеседников — эсер, сказал, что есть способ бежать из тюрьмы — это через тюремную церковь. Но путь этот требует решительных действий оружием и может быть осуществлен, главным образом, нападением на стражу извне. Этим путем намеревалась бежать группа эсеров, сидевшая здесь около года назад. Тогда дело было разрушено благодаря переводу этой группы в Екатеринослав. Но возможность побега осталась та же. Необходимо содействие нескольких боевых товарищей извне и побег может удастся. Каждое воскресенье в церковь пускают всех желающих идти туда заключенных. В нее же свободен доступ и вольной публике. Мы условились в ближайшее воскресенье пойти туда и на месте познакомиться с позициями и возможностями побега. Так мы и поступили.

Самая наша тюрьма находилась внутри двора. Но кроме нее, имелось еще несколько зданий, в одном из которых помещелась канцелярия и жил, кажется, начальник тюрьмы. Затем стоял небольшой корпус, который лицевой стороной выходил прямо на волю, к бокам его примыкали стены тюрьмы. Нижний этаж этого корпуса был отведен под надзирательскую, где всегда находи-

лись человек 9 - 12 надзирателей, которые тут же жили и ночевали. На верхнем этаже этого корпуса помещалась тюремная церковь. Чтобы войти в нее, арестованным следовало проходить тюремный двор, войти в коридорчик надзирательской, откуда вела вверх лестница прямо в церковь. Там, в задней ее части было огорожено крепким деревянным барьером по пояс место для арестантов, занимавшее приблизительно треть церкви. В передней части церкви находились молящиеся, приходившие с воли. Они подымались по особой лестнице, которая выходила на середину церкви, а нижний конец которой вел прямо наружу, на площадь. Между этой вольной молящейся публикой и барьером, за которым находились арестованные, стояла стража надзирателей человек в шесть-восемь.

В церкви на этот раз нам не пришлось встретиться с политическими товарищами, — почему то они не попали туда. Но мы познакомились с рядом уголовных арестованных из соседней с нами камеры. Часть их была осуждена в каторжные работы и ждала в недалеком будущем отправки в те или иные централы. Находились среди них лица, интересовавшиеся политической революционной борьбой и о многом нас расспрашивавшие в этой области. Церковь являлась хорошим местом для свиданий и разговоров. Наблюдений за тем, что делается среди арестантов, не было никакого. Можно было, опустившись на корточки сзади своих соседей, провести в беседе все время церковной службы. Этим обычно и занимались многие из заключенных, приходя в церковь. Почти все потихоньку курили во время службы, и запах курева довольно основательно чувствовался при этом.

Возвратясь в камеру, мы с Бабешко приступили к всестороннему обсуждению проекта побега из церкви. Но обсуждать, собственно, было нечего. Нам была видна вся обстановка побега и сразу стало ясно, что лучшей возможности здесь не окажется. Вопрос заключался лишь в том, смогут-ли наши товарищи с воли оказать нам необходимую боевую помощь при нападении на

надзирателей. Если смогут, тогда надо действовать как можно скорее в этом именно направлении.

Положение наше тем временем вполне выяснилось. Меня и Бабешко уже вызывали несколько раз на допрос к судебному следователю по делу об убийстве Василенко. Дело это, оказывается, было передано в военно-окружной суд, и нас каждый месяц или даже каждую неделю могли отправить в Екатеринослав на этот суд. Приговор военно-полевого суда был приостановлен потому, что произошла юридическая ошибка: в городе Александровске военное полжение было снято за несколько дней до убийства Василенко. Оно было заменено положением усиленной охраны, при котором военно-полевой суд не мог уже работать. Нас отдали военно-полевому суду вгорячах, а может быть, в расчете губернатора на то, что дело пройдет незамеченным и никому в голову не придет беспокоиться по поводу такой незначительной формальной ошибки, как отдача военно-полевому суду вместо военно-окружного. В центре, однако, эту ошибку заметили и приказали «исправить». Но, конечно, это исправление могло касаться лишь формы суда, а не существа приговора. Военно-окружной суд нам также вынес бы смертный приговор, а не что-либо иное. В этом мы не имели ни малейшего сомнения. Поэтому мы и решили оставшийся в нашем распоряжении неопределенно короткий срок времени, пока мы в Александровске, использовать во что бы то ни стало для побега. А удача этого побега нам представлялась очень и очень вероятной. Сбить 8 человек надзирателей, вооруженных револьверами старой системы и не ожидающих нападения, представлялось нам делом вполне осуществимым, а это прокладывало дорогу к воле. В короткой записке мы известили Николая и Тараса о том, что наметился новый путь побега, план которого будет передан им через пару дней.

В следующей записке мы подробно описали им обстановку намеченного нами побега, высказали свое убеждение в полной осуществимости его. — С вашей стороны — писали мы им — нужно не более четырех человек, ибо мы также будем действовать и надеемся привлечь

себе на помощь несколько человек уголовных каторжан. Других путей здесь нет и не предвидится. Действовать же надо немедленно. — Записка вышла довольно об'емистая. Ее рискованно было заложить в корзину, как мы это делали ранее. Мы, поэтому, сочли единственно возможным выбросить ее из окна камеры, за тюремную стену, где ее должен был поднять кто-либо из наших. Пришла сестра Бабешко с одним совсем молодым человеком, лет 16-ти. Они долго крутились на расстоянии от тюрьмы, сообщая знаками, что бросать пока нельзя, так как недалеко находится часовой. Прошло таким образом часа два-три. Наконец, они подали знак, что можно, и стали медленно приближаться к тюрьме, не спуская с нашего окна глаз.

Выбросить записку взялся Бабешко. Это, собственно, была не записка, а ряд записок, которые, будучи закатаны в черное хлебное месиво, образовали шар с яблоко величиной. До этого мы с Бабешко практиковались выбрасыванием скатанных кусочков хлеба за стену. Дело было не совсем легкое. Стена отстояла от корпуса тюрьмы все-таки на значительном расстоянии. Нужно было высунуть через решетку окна руку по самое плечо, хорошенько изловчиться и с силой бросить предмет. Тогда он благополучно перелетит через стену. Василий взобрался на окно, просунул наружу руку с запиской и начал ею размахивать, стараясь как можно сильнее отбросить. Раза два он готов был бросить, но в нерешительности останавливался. Затем он слез и передал наше послание мне, говоря, что у него дрожит рука. Я также несколько волновался, но все же решил бросить послание сам, а не доверять это дело кому-либо из сокамерников, среди которых были специалисты по выбрасыванию, но которые могли намеренно так бросить, что послание оказалось бы во дворе тюрьмы. А это повлекло бы к раскрытию всего нашего дела, к закованию нас в кандалы и отправке в Екатеринослав. Я влез на окно, просунул руку, размахнулся ею несколько раз и с силою бросил шар. К ужасу моему, я почувствовал, как в момент бросания у меня дрогнула рука, и потому шар полетел не с той силой, с какой я мог бы его бросить. И

действительно, шар не перелетел стену, а упал на ее жестяную крышу. Крыша эта —шириною в аршин — имела легкий наклон во внутрь тюремного двора и наклон наружу. Вся камера, следившая за полетом шара, замерла, когда он упал на крышу стены. Но ударившись о нее, шар подскочил и перекатился на внешнюю сторону тюрьмы. Мы видели, как молодой товарищ, перепрыгнув канаву, направился подымать его. Через минуту он и сестра Бабешко быстро удалялись и уже на большом расстоянии показали нам знаком, что все благополучно.

Через несколько дней мы получили передачу, в которой нашли записочку от Николая следующего содержания: — «Всеми нами план ваш одобрен и принят. Если в церкви — значит с нами бог. Не мешало бы вам в этом случае первым заглянуть в затылок архангелам. Николай».

Мы начали окончательно готовиться к делу. Необходимо было наметить день и к этому дню свести наши приготовления и главным образом приготовления наших товарищей на воле. В этом отношении обостоятельства нам благоприятствовали. Был на исходе великий пост, недели через полторы должна быть пасха. Лучшего часа, как в четверг вечером, во время чтения двенадцати евангелиев, или в субботу ночью во время пасхальной заутрени нельзя было и желать. Мы так и сообщили друзьям на волю. А сами стремились заручиться пропуском в церковь. Дело в том, что администрация могла по своему усмотрению не пускать в церковь тех или иных раестованных. Она вполне могла так поступить со мной и Бабешко, как с людьми, которые все время не ходили в церковь, а затем вдруг выказали к ней интерес. Мы поэтому в ближайшую неделю записались в число «говеющих». Без большой причины этого права у нас отнять не могли. А между тем, благодаря этому праву мы в течение недели могли прокладывать незаметный мост между данным моментом и пасхальной заутренней, которая была нам абсолютно необходима. По этому мосту, мы, не вызывая никакого подозрения администрации, могли свободно придти в церковь в решающую для нас минуту. Так мы и поступили. Мы наряду со все-

ми арестованными стали уже ежедневно ходить в церковь. При этом мы еще более познакомились с обстановкой предстоящего побега и еще более прониклись уверенностью в его успех. Вместе с арестованными говело много вольной публики и церковь всегда была полна народом. Мы представили себе, как она будет набита в четверг вечером, или, в особенности, ночью в субботу на воскресенье. Все это сулило нам успех. Лишь бы только у нас и у наших друзей не случилось какого-либо разлада в деле.

В следующее воскресенье — последнее перед пасхой — мы, как обычно, стоим в церкви. Вдруг видим из входа для вольных поднялась знакомая фигура Николая Он был довольно «прилично» одет и встал впереди надзирателей, не обращая ни малейшего внимания на место, где находились мы — арестованные. Так он простоял все время службы и лишь уходя из церкви, бросил в нашу сторону как бы безучастный взгляд, которым, однако, сразу увидел и меня с Бабешко и прочую обстановку. Для нас было ясно, что Николай приходил в церковь на разведку, дабы непосредственно познакомиться с ее устройством, с нашими позициями и позициями нашей стражи.

На другой день получаем записку с извещением, чтобы мы были готовы либо в четверг вечером, либо в воскресенье ночью. Мы решили тогда сообщить об этом нашим политическим друзьям на случай, если они пожелают бежать вместе, а также познакомить двух-трех уголовных из нашей камеры, в искренности которых мы не сомневались и у которых, к тому же, были спрятаны наши револьверы. Револьверы были подготовлены, но едва не послужили причиной катастрофы всему нашему делу. В понедельник или вторник на страстной неделе идем мы в церковь и вдруг к нашему изумлению всех вышедших для этого на коридор выстраивают и начинают обыскивать, чего ранее никогда не делали. На следующий день то же самое. У нас, конечно, ничего не нашли, но начни администрация этот обыск не со вторника, а с четверга вечером, и мы влопались бы с браунингами, которые непременно взяли бы с собой. В тот же день мы

узнали причину обысков: администрация искала табак у шедших в церковь. Последнее время курение табака в церкви заключенными приняло такие размеры, что администрация приняла против него меры. Эти меры, не направленные проитв нас специально, все же лишали нас ценнейшего оружия, необходимого нам в решающий день. Мы уже не могли брать с собой в церковь револьверов, не подвергнув опасности провала всего дела. Скрепя сердце, пришлось с этим помириться и готовиться к бою с голыми руками. Между собою мы — я, Бабешко и трое посвященных в дело уголовных — уговорились так: как только со стороны наших товарищей раздастся первый клич к нападению, первый выстрел, мы мгновенно перескакиваем барьер, набрасываемся сзади на надзирателей, обезоруживаем их и с боем пробиваем себе дорогу на волю.

Подошел четверг. Напряженно ждем мы, когда пройдет день и нас поведут на вечернюю службу. Наконец, мы в церкви. К удивлению нашему церковь далеко не полна, а главное служба идет так быстро, что на дворе еще светло, а она уже кончается. Нас даже стала беспокоить мысль, что в этот момент могут придти товарищи и засветло начать дело, между тем, как через два дня предстоит такая богатая ночь. Товарищи, однако, не пришли и даже никто из них не был на разведке.

На другой день к тюрьме подошел Тарас и знаками передал, чтобы ожидали их в субботу.

Томительно - напряженно прошли следующие два дня. Было ясно, что если мы не сумеем использовать пасхальную заутреню, то возможность побега ускользнет от нас. Наши товарищи, приехавшие из Екатеринослава, достаточно намучились, живя в конспиративных условиях. Один из них недавно застрелился при неизвестных нам обстоятельствах. Над каждым из остальных висела угроза быть ежедневно раскрытым и схваченным. Дело наше слишком затянулось, чтобы теми же силами можно было начинать его вновь. Все свои помыслы мы возложили на субботу, а она приближалась к нам непозволительно медленно.

Наконец, пришла и суббота. Мы еще и еще раз про-

верили себя, обсудили, как надо держаться в решительную минуту, что делать. Уговорились, что если увидим пришедших в церковь наших товарищей, то немедленно оповестим всех следственно - каторжных арестантов о том, что через несколько минут можно бежать, и чтобы они при первом сигнале набрасывались на надзирателей и обезоруживали их.

К вечеру напряженность ожидания достигла высшей степени. Говорить было не о чем, — все переговорено. Перед нами стояла точка — это 12 часов ночи и все наши помыслы были устремлены на нее. Часов в 10 вечера эта напряженность сменилась спокойствием и уверенностью в победе. И когда в начале 12-го часа нашу камеру открыли и выпустили на коридор и я увидел старшего надзирателя Квашу, наряженного в новый мундир с горящим золотом воротником, у меня неожиданно пробежала мысль: «Что-то будет с тобой через час?»

Прежде чем отправить нас в церковь, нас обыскивают. Процедура эта длится несколько минут, после чего мы гуськом подымаемся в церковь. Там уже полно народа. От множества свечей, которые были зажжены по случаю праздника и которые были в руке у каждого молящегося, церковь ярко освещена. Мы с Бабешко пробрались к самому барьеру и в толпе молящихся стали жадно разыскивать своих друзей. Никого не оказалось. Мы терпеливо ждем дальше. Служба началась. Вел ее очень способный священник, который умело говорил проповеди и вообще мог среди молящихся создавать церковное настроение. Народу набралось очень много, а наших все не было. Наконец, Бабешко взволнованно шепчет мне, что Тарас здесь. Я Тараса не знал в лицо, а потому не мог видеть. Через несколько минут я увидел недалеко от нас Николая. Он очень осторожно повел лицом в нашу сторону, как бы желая убедиться, здесь ли мы Еще через минуту видим, как по лестнице для вольных стремительно поднялся молодой человек. Он круто повернулся и встал совсем близко от надзирателей. Старший невольно обратил на него внимание и долго пытливо смотрел на него со стороны. Тот, должно быть заметив на себе пытливый взгляд старшего, начал усердно крес-

титься и низко кланяться и, кажется, этим успокоил старшего. Ни я, ни Бабешко не знали этого товарища, но мы сразу подумали, что он из группы наших друзей. У нас сомнений больше не осталось — дело должно начаться сейчас. Бабешко устремился вглубь заключенных предупредить, чтобы были готовы и действовали, как условленно. Я остался у барьера. Через полминуты туда подошел и Бабешко с несколькими каторжанами. Служба была в полном разгаре. Она протекала как раз в том месте, когда священник, выйдя из алтаря и проходя ряды молящихся торжественно с ними христосовался. «Христос Воскресе» и «Воистину Воскресе» неслось по всей церкви. И вот в этот момент раздался звонкий, наполнивший всю церковь, крик Тараса: — «Стой! Ни с места! Руки вверх!» — и в то же мгновение началась частая стрельба. Несколько надзирателей, стоявших перед нами шеренгой, сразу же упали на пол. Среди молящихся началась животная паника. Вслед за священником они шарахнулись в алтарь, некоторые бросились вниз по лестнице, и церковь, битком набитая народом, вмиг поредела. Раздался новый звенящий крик: «Товарищи, спасайся!» — Выстрелы продолжали сыпаться, как из пулемета. Я вижу, как Бабешко, перескочив барьер схватился с одним здоровенным надзирателем и никак не может одолет его, и в это же мгновение вижу, как старший надзиратель, выхватив шашку, изо всей силы рубанул ею кого-то по голове. Он вторично и более сильно размахнулся и удар сабли должен был упасть кому-то как раз на шею или на голову. Но в этот миг характерная тень — та самая, которую я видел на лице Василенко — прошла по его лицу, и он грузно, как мешок, повалился на пол: это Николай, подбежавши к нему, впустил ему прямо в висок четыре-пять пуль. Я кидаюсь на помощь Бабешко, но его надзиратель, кем-то из наших подстреленный, падает. Бабешко уже внизу. Один за другим наши товарищи уголовные, гремя кандалами и перепрыгивая через лежащих надзирателей, устремляются к выходу. Все было кончено не более, как в две минуты. Я несколько задержался и бросаюсь к выходу с последними беглецами. На площади масса народа и сто-

ящие рядами пасхи и куличи в ожидании освящения.. Выбежавшие из церкви каторжане, громыхая кандалами, перепрыгивают через них и разбегаются в разные стороны по городу.

Когда я выскочил, меня охватил какой-то бородатый мужлан, стараясь удержать и в то же время опасливо озираясь кругом. Я с силой толкнул его в грудь и пробежал несколько шагов. В это время слышу крик: «Наши, сюда!» Я подбежал и назвал себя. Тарас схватил меня за руку и крикнул: «бежим!» Мы побежали вначале по освещенной улице, а затем заскочили во двор и побежали огородами. Через минуты две после начала бега раздался оглушительный взрыв в направлении тюрьмы. Тарас успокаивающе заметил: «Ничего, это наш Абрам взорвал бомбу, как было условлено, для того, чтобы нагнать побольше паники». Абрам — чудесный юноша лет 18-ти — безумно храбрый — чрезвычайно хотел участвовать в нападении на надзирателей в самой церкви, но товарищи нашли, что его выразительное еврейское лицо, может дат повод говорить, что на церковь «напали евреи», а это могло иметь в дальнейшем свои дурные последствия. Он поэтому взял на себя взрыв бомбы и порчу телефонных проводов, что и выполнил.

На минуту мы остановились, чтобы ориентироваться. В это время один из бежавших с нами сунул мне в руку браунинг и несколько магазинок. Я осмотрелся и увидел, что с нами нет ни Бабешко, ни Николая. — Где же они? — спросил я. Оказывается, они побежали несколько раньше и, очевидно, другим направлением. Тарас имел надежду встретить их. Мы продолжали свой бег, но уже втроем. — я, Тарас и Владимир, — тот самый, который, войдя в церковь, вызвал, было, подозрение у старшего. Остальные товарищи были местные; они отстали, чтобы направиться по домам. Огороды, по которым мы бежали, были слегка затоплены разлившейся рекой, и мы вначале бежали вдоль разлива. Дальше разлив подымался выше, захватывая дома; нам приходилось уже прыгать по воде, и в одном месте мы вдруг попали в такой крутой и глубокий залив, что должны бы-

ли идти по пояс в воде, а затем еще мгновение — и мы оказались по шее в воде и поплыли. Выбравшись на сухое место, мы увидели, что попали в какой-то тупик, из которого выход был только назад. Тарас, оказывается, сбился с пути и бежал не теми огородами, какие были намечены. В это время совсем недалеко от нас раздалась тревожная барабанная дробь. Незаметно для себя, мы чуть не набежали на солдатские казармы, куда, очевидно, уже сообщили о случившемся в тюрьме.

Куда двинуться? Мы вбежали в один из дворов, где стояли лодки, разыскали среди них непривязанную, сели и отчалили. Веслом нам стала служить доска, лежавшая на дне лодки. Выбравшись из многочисленных огородных кустов на средину реки, мы поплыли вниз по течению. Никто из нас не знал, куда река несла нас, к какому месту города, но стало как-то спокойнее, и Тарас с Владимиром даже затянули, было, песню. Было приблизительно около двух часов ночи. Минут через 10-15 перед нами стал вырисовываться какой-то огромный темный предмет. Всмотрелись — железно - дорожный мост, перекинутый через реку. Как только Тарас узнал его, он сразу преобразился: — Ну, теперь мы спасены, здесь недалеко должна стоять наша лодка и наши люди.

Выехав из-под моста, мы заметили на берегу, у подножия моста, группу стоявших людей. Они нас тоже заметили, и тотчас с их стороны послышался проникновенный, глубоко задушевный голос: «Товарищи, это вы?» Мы почуяли, что это наши. Но Тарас с напускной грубостью ответил: — «Какие там товарищи?» — Тарас, Тарас, под'езжай скорей сюда, это мы, — неслось с берега. Мы под'ехали и нашли там Бабешко, Николая и еще несколько человек, в числе которых находился молодой социал - демократ Кривоспицкий, один из тех политических, которые сидели с нами на одном этаже тюрьмы.

В двух минутах ходьбы от моста, прикрытая кустами, находилась большая лодка человек на 10-12, заготовленная нашими товарищами еще накануне. В лодке нас терпеливо поджидали два местных рабочих. Как только мы подошли, они поздравили всех нас с успехом

дела и со свободой и, попрощавшись, быстро удалились. Они были вполне легальны и спешили замести следы своего участия в деле.

Наш побег совершился 22 апреля 1907 года.

В лодку нас село шесть человек — Тарас, Владимир, Бабешко, Николай, с.-д. Кривоспицкий и я. Под ударами четырех весел она быстро понеслась вниз по течению реки. Через полчаса мы уже вплыли в Днепр, в который впадала реченка. Днепр в это время был в полном разливе. Воды его мчались с огромной быстротой, и, мы, выехав на простор реки, стремительно неслись вниз по течению. Все вздохнули свободно, и по широкой реке звонко полилась революционная песнь. Ничто уже в этот час не могло удержать потребности в пении Тараса и Владимира. Оба они имели хорошие голоса. Усердно гребя веслами, они не менее усердно и прочувствованно пели. Мы все им подпевали. Так удалялись мы от места, где полтора месяца назад мы с Бабешко схоронили, было, свою свободу и жизнь, и где два часа перед этим все мы могли потерять свои головы. На широких просторах Днепра все, недавно пережитое нами, тяжелое прошлое было отброшено куда-то далеко-далеко, забыто, и мы, поглощенные радостным настоящим, мчались вперед, — к новым берегам, к новым битвам и новым деяниям. Никто не подозревал в тот час, что скоро, очнаь скоро многие из нас сложат свои головы на том тернистом пути, имя которого социальная революция и идеал которого заставлял усиленно биться наши сердца, сжимал волю и устремлял взоры вперед...

***

Мы взяли направление противное Екатеринославу с определенным расчетом. Мы были уверены, что немедленная погоня за нами будет организована в направлении Екатеринослава, в районе железно-дорожных путей и что меньше всего внимание властей направится в сто-

рону Никополя. И мы не ошиблись. Облавы, предпринятые на другой день, производились в самом Александровске и на железно - дорожных путях и этими облавами были выловлены все бежавшие с нами уголовные. Их было человек 15. Надо заметить, что их легко разыскали, благодаря их же преступному легкомыслию. Большинство их были из Александровска. Вырвавшись на свободу, они пошли на квартиры своих родных и в первый же день предались гулянью и пьянству. Большинство их в ближайшие дни были казнены по приговору военно-окружного суда за участие в побеге. Как потом узнали, во время нашего побега был убит старший надзиратель Кваша и ранено три или четыре надзирателя и несколько частных лиц.

Лишь только стало светать, мы свернули с открытого течения Днепра к берегу и ехали потом все время под прикрытием кустов. Это было необходимо на случай погони за нами пароходом, которая все же могла быть. Часам к 8-9 утра мы были уже верстах в 40 от Александровска. Решили отдохнуть. Отыскали в плавнях хорошее место, спрятали лодку в кусты и расположились на небольшом островке. После полудня снялись и тронулись дальше.

Днепр широко разлился. Местами нельзя было видеть противоположного берега. Целое море воды. На протяжении всего пути мы не видели ни одного парохода, ни одной лодки, ни одного человека на берегу. Должно быть после ночной службы все отдыхали у себя дома. Лишь водяные крысы в кустах, да редкие птицы в отдалении составляли нам сообщество. Мы плыли в царстве настоящей водяной пустыни, плыли стремительно быстро, со скоростью не меньшей десяти верст в час. Кусты и деревья, попадавшиеся нам навстречу, мелькали с такой быстротой, словно мы ехали на моторной лодке. Лучшего путешествия трудно было и пожелать себе. Это необыкновенное, сказочное путешествие, омрачалось несколько состоянием здоровья Николая: во время перестрелки в церкви у него была прострелена рука, притом кем то из своих. Огромного калибра пуля попала ему сзади в локоть и вылетела в том месте руки, где на-

чинался мизинец. Кость не была повреждена. Рана была грубая, развороченная при выходе. За несколько часов, что мы ехали на лодке, рука у него вздулась, как бревно, и мучительно давала себя чувствовать. Решено было, что в Никополе Николай с соц. дем. Кривоспицким сядут в поезд и поедут в Екатеринослав по железной дороге. Все же остальные должны были пройти еще верст сто пешком, чтобы сесть в поезд совсем в безопасном месте. Мне с Бабецко необходимо было, кроме того, достать вольное платье и заменить им арестантское, в котором мы пока оставались. Тарас приготовил, было, ему и мне костюмы, но когда из церкви выскакивали уголовные, он то одному, то другому сунул что либо, его обступили, он роздал все, что имел, и в конце концов и сам остался без шапки и без пиджака.

Часов в пять вечера мы под'ехали к Никополю. Николай с Кривоспицким пошли на вокзал, а Тарас в город добывать нам необходимую одежду и провизию. Через два-три часа все это у нас было, и когда начало темнеть, мы, бросив лодку, стали продолжать свой путь пешком. Шли степью, держась недалеко от полотна железной дороги. Шли исключительно ночами, а как только становилось светло, мы на весь день залегали где либо в лесу или в кустах.

Так продолжалось в течении трех суток.

На третью ночь мы прибыли в Верхнеднепровск, откуда по железной дороге на товарных поездах доехали до Екатеринослава. Мы с Бабешко устроились на общей конспиративной квартире, сначала в самом Екатеринославе, а затем в Нижнеднепровске.

**
*

В течении ближайшей недели побег наш приковал к себе внимание широких слоев населения. О нем много писали и говорили в самых отдаленных углах губернии и за пределами ее. Газета союза «истинно русских людей», кажется, «Русская Правда», писала, что революционеры дошли до невозможного, до нападения на дом

божий и самого бога, и призывала православных к сплочению.

В рабочей среде, наоборот, акт этот вызвал под'ем духа и симпатию к революционному дерзанию, которое было проявлено в этом акте. Не было завода и мастерских на Украине, где бы этот акт тогда не обсуждался и не вызывал к себе самого полного сочувствия со стороны рабочих. Мы, анархисты были особенно рады этому сочувствию, ибо видели в нем признак того революционного действия, которое мы неустанно проповедывали в массах и которое через десять лет нашло массовое выражение в русской социальной революции.

Но не столько физический, сколько огромный моральный удар мы нанесли этим актом своему врагу. Удар этот разрушил, растоптал в прах лживую идею непогрешимости власти, идею божественного покровительства ей. Мы показали, что под этими идеями скрывается ничто иное, как грубая идея силы, единственно на которой только и держатся правительства. И мы показали далее, что смелым, ловким ударом кулака или топора пролетариат может опрокинуть и силу власти и силу бога.

Оживилась и наша анархическая среда. После многих потерь, понесенных нашим движением за последний год, мы, наконец, нанесли своему врагу удар, от которого неминуемо должен был падать его престиж и, наоборот, расти в массах престиж революционной анархической идеи. Это сознавалось во всех наших больших и маленьких группах, и это подымало их дух и настроение.

В первые дни возвращения нашего в Екатеринослав, товарищи предложили мне и Бабешко поехать на время заграницу, пережить там острое для нас время. Положение анархического движения к тому времени было чрезвычайно тяжелое. Почти все активные работники были настолько скомпрометированы, что им грозила смертная казнь, и они жили в невероятно тяжелых условиях подполья. Не проходило недели, чтобы кто либо

из них не погибал. Уцелевшие вынуждены были дни и ночи прятаться. Мы с Бабешко переходили с квартиры на квартиру, не всегда вооруженные, так как часто приходилось имевшиеся у нас браунинги одалживать товарищам, шедшим на террористические акты. Силы наши таяли с каждым днем.

Я решил поехать заграницу. Бабешко упорствовал. Он считал необходимым продолжать борьбу без всякого перерыва и решил лучше погибнуть в России, в боях, чем ехать заграницу и ничего там не делать. Он весь горел жаждой немедленной борьбы и всякие споры с ним на этой почве были бесполезны. Получили письмо от Бека, который настоятельно советовал нам обоим ехать заграницу и извещал, что хочет говорить с нами лично по этому поводу. Через день-два мы имели с ним и другими товарищами продолжительную беседу. Бек доказывал, что оставаться в настоящих условиях здесь — преступление перед собою и перед делом. Он настаивал на поездке, хотя бы на 4-5 месяцев и сообщил, что приготовил нам необходимые адреса в Париж. В конце концов Бабешко согласился и мы условились в ближайшие дни поехать.

В эту ночь мы ночевали на разных квартирах в Нижнеднепровске. На другой день по полудни меня взволнованно извещают, что только что Бабешко захвачен сильным нарядом полиции. Арест произошел благодаря предательству хозяина квартиры, так что ничего неожидавший Бабешко не успел даже дать отпора. В тот же день он был заключен в Екатеринославскую тюрьму и закован, а через несколько дней казнен по приговору военно-окружного суда. Товарищи ничего не могли сделать в отношении его побега: уж слишком крепко его держали, а главное его дело провели с быстротой военно-полевого суда.

Полиция усиленно рыскала по Нижнеднепровску, Амуру и Екатеринославу, стараясь по следам Бабешко захватить и меня. Я уцелел случайно, благодаря получасу времени, в течение которого получил предупреждение.

Через Петербург и Финляндию я поехал в Париж.

Мучительно тяжело было расставаться с краем, где сложились мои лучшие идеалы, где я провел несколько лет в напряженной борьбе за эти идеалы, где погибли почти все мои товарищи и друзья и где местность еще дымилась от вчерашних битв и сражений. До Петербурга и Финляндии я, по требованиям конспирации, ехал в обществе Анастасии Галаевой, одной из замечательных лиц в нашем движении прошлой эпохи. Когда же в Гельсингфорсе я остался один и должен был садиться на пароход, я не знал, что с собой делать. Сердце замирало и рвалось на куски перед последним шагом. Несколько раз я пытался вернуться назад, возвратиться на наш буйный Амур и Екатеринослав и там, вместе с оставшимися товарищами, на последних ударах с врагом, закончить свою жизнь. Усилием воли я поборол в себе эти движения и продолжил путь по первоначальному маршруту. Около 10-го июля 1907 года я уже был в Париже.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

От Бека я имел адрес в Париж к народовольке Софье Львовне Шейнцис, которая отнеслась ко мне с добрым вниманием и заботливостью. Благодаря ее заботам я с первых же дней приезда в Париж устроился на работу в одной автомобильной мастерской. Первые два месяца я жил исключительно среди французов и имел возможность наблюдать французского рабочего на фабрике и вне фабрики. Мирная и, по сравнению с Россией, сонная жизнь Франции произвела на меня удручающее впечатление. Того революционного духа, которым мы недавно жили у себя дома, здесь не было и в помине. Переход в эту сонную жизнь был для меня чрезвычайно тягостен и невыносим. Я не мог помириться с мыслью, что проживу в этой обстановке более нескольких месяцев. И я решил про себя, что через два три месяца непременно поеду обратно в Россию. Для этого необходимо было поскорее списаться с своими амурскими друзьями.

Первое полученное мною из Екатеринослава письмо расстроило, однако, мои мечты о немедленном возвращении в Россию. Мне сообщили, что со времени моего от'езда заграницу несколько товарищей были убиты в стычках с полицией, несколько арестовано и сидят в Екатеринославской тюрьме в ожидании казни; в числе последних — и Владимир, приезжавший в Александровск на наше освобождение. Тарас усиленно разыскивается полицией. Меня просили никоим образом не приезжать и продежаться заграницей, хотя бы год. — Ты там на свободе. Займись книгами, языками. Пригодится и тебе и всем нам, — писали мне. Следующее письмо наносит мне новый удар: арестован (по подозрению в сно-

шениях с революционерами) и выслан в Сибирь Николай, а также мой брат, которого также выслали в Сибирь за родство со мной. Еще через некоторое время в разных местах были арестованы Тарас Онищенко, Геннадий Мудров и многие другие. Уцелевшим пришлось раз'ехаться. Амур наш опустел. Возвращение мое невольно откладывалось на неопределенное время. Тем временем я разыскал наших товарищей, которых в Париже оказалось довольно много. Достал номер пятый Буревестника, недавно вышедший. Его страницы тоже говорили, но лишь в большем масштабе, об эпидемии казней, о том всеобщем разгроме, которому повсеместно подверглось наше движение в России. Больно было читать хронику из России, некрологи и т. д. Среди находившихся тогда в Париже анархистов были: Оргеиани, Забрежнев, Ветров, Венин, Рогдаѐв, только что приехавший из России и пробиравшийся на международный анархический конгресс в Амстердаме, М. Корн и многие другие. Париж тогда являлся центром многочисленной политической эмиграции. В среде последней ежедневно почти шли митинги, доклады, лекции и проч. на злобу дня. Анархисты занимали в ней не малое место. Они устраивали свои доклады, митинги и часто выступали на многочисленных лекциях лидеров социалистических партий и довольно удачно оппонировали им. Наибольшую славу в этом отношении пожинал Николай Рогдаев, имевший исключительные ораторские дарования. Спор между социалистами и анархистами здесь, как и в России, шел, главным образом, о характере русской революции. Эсеры, меньшевики и большевики считали буржуазную революцию и буржуазную демократию в России исторической неизбежностью и необходимостью. Анархисты выдвигали тезис социальной революции, утверждая, что только лозунги социальной революции способны поднять массы на серьезную революционную борьбу. Недавний разгром русской революции самодержавием служил им в этом отношении одним из сильных доказательств. Социал демократические лидеры старались высказать пренебрежение к оппонировавшим анархистам. Будучи долгие годы во главе российского поли-

тического движения, они не могли уже иначе, как свысока и с пренебрежением, смотреть на всякую новую мысль, на всякое новое слово. Из выступавших в те годы социал-демократических лидеров отмечу Мартова, Алексинского, позже Троцкого и Ленина. Хрусталевъ - Носарь также пытался сыграть роль лидера, но в первом своем выступлении после прибытия из ссылки, был так катастрофически разгромлен Рогдаевым, что сами социал-демократы снизили тон своего отношения к нему.

Ленин, несомненно, был наиболее убежденным и активным деятелем социал-демократии. Его выступления всегда дышали силою и энергией. Обычно, они касались тактических расхождений с группой Мартова. Тактика Ленина казалась более революционной по сравнению с тактикою Мартова, но цель обеих групп была одна — обе стремились к установлению буржуазного парламентаризма в России. При всем моем желании я никак не мог видеть существенной разницы между этими группами. Тактическое расхождение — мелочь в сравнении с тем общим, которое эти фракции имело. И я потом часто думал — удайся в 1905 году буржуазная революция в России, установись у нас республиканский режим по образцу, например, Франции, обе фракции занимались бы одним делом в буржуазном парламенте и делить им было бы нечего.

Иное дело анархисты. Они расходились с социал-демократами в корне, расходились относительно основной цели революции, относительно главных задач завтрашнего дня. Расхождения эти остались бы при всяком исходе русской революции. По вопросам этих расхождений и шла главным образом дискуссия и борьба между анархистами и социал-демократами заграницей.

По мере того, как в России все более и более укреплялась реакция, слабела и замирала политическая жизнь в эмиграции. Разгром и разложение революционных сил в России растраивали и ее ряды. В 1908 году и в особенности в 1909 эмиграция была менее шумна, нежели в 1907. Большинство ее стало уходить в личную жизнь, потеряв надежду на скорое возвращение в Россию и перестав реагировать на политические события. Лишь от-

дельные, наиболее активные партийные работники жили революционными идеями.

В 1907-8 годах наши товарищи заграницей вели активную, при том массовую работу для России. Издавали журналы, брошюры. В районе г. Хотина Бессарабской губ. они имели хорошо поставленную границу, через которую в неограниченном количестве переправляли в Россию свои издания, оружие, а также людей туда и обратно. Приток наших людей из России, — преимущественно смертников — продолжался. Вскоре после моего приезда, в Париж приехал наш старый амурский товарищ Тихон Жарков, Игнат Музиль (родной брат Рогдаева), Александр Мудров (в Женеву), только что бежавший из Севастопольской тюрьмы в числе 16 путем взрыва тюремной стены и др. Мечтой большинства из нас было возвращение в Россию для революционной работы. Мы никоим образом не могли мириться с продолжительным пребыванием заграницей. Просто жить там, вдали от революции мы считали изменой революционному делу. Однако, поездки в Россию с каждым разом становились все труднее и труднее. Организаций на месте не было, связи были разрушены и приезжающие сразу попадали в крайне тяжелую обстановку, когда приходилось вести работу в обществе малоизвестных людей и самим все сызнова создавать. Большинство уехавших в Россию из Парижа и Женевы в 1907-8 г. г. вскоре погибло и товарищам, с которыми они всего два-три месяца назад обсуждали планы работ в России, приходилось писать о них бесконечные некрологи. Трудность и опасность поездки все же не останавливали порыва наших товарищей, и они друг за другом бросали заграницу и ехали в Россию. Мне удалось собраться с поездкой лишь в начале 1909 года.

Поехал я с одним юзовским товарищем Кузьмою. Предварительно мы закупили в Льежѣ партию оружия, которую направили к нашей границе в Черновицы. Границу тогда держали два наших товарища — Оленка и Александр Мудров. По их рекомендации я взял для себя район Брянск-Бежица, Орловской губернии. Кузьма поехал в Одессу. Доставленное из Льежа оружие мы реши-

ли на этот раз не брать с собой, а прислать за ним или самим приехать, после того, как нами на месте будет поставлена работа и когда будет в нем надобность. Ехал я в Брянск с настоящим «железным» паспортом на имя Михаила Гуляка, — крестьянина Подольской губернии, который уехал в Америку на заработки и который свой паспорт оставил на границе у контрабандистов.

В Брянске и Бежице я нашел полное затишье на рабочем фронте. Революционная волна 1905-6 г. г. улеглась; повсеместно чувствовалось торжество полицейщины, которая всюду установила свое око. Рабочий массовик держался на расстоянии от революционных идей. Он ушел в обывательщину, чувствуя, что она страхует его от репрессий власти. Более сознательные жили внутренней ненавистью к победителям от самодержавия, но и только. Внешнего, реального исхода этой ненависти они избегали давать, сознавая общую придушенность и обреченность отдельных протестов. Словом, полная реакция во вне, запуганность и пессимизм внутри рабочих масс, — так можно характеризовать обстановку, при которой в середине 1909 г. мне пришлось приступить к анархической работе среди рабочих города Брянска.

В самом Брянске имелось несколько наших товарищей, также на паровозостроительном заводе в Бежице и в рабочем поселке Радице. В первую очередь необходимо было связать их воедино. Эту работу мы выполнили с товарищем Григорием Ипатовым. Группа была создана, через нее мы распространили привезенную мною из заграницы нашу литературу. Затем был создан кружок человек в 15 из сочувствующих и интересующихся анархизмом рабочих, с которыми я повел систематические занятия по теории и тактике анархизма. Занятия велись в лесу, в строжайшей конспирации. Нити в рабочую массу начали проводиться. Затем были восстановлены связи с смоленскими и рославльскими товарищами. Потребовалась литература, оружие. За ними был командирован в Черновицы Евстафий Ипатов (младший из братьев), который на обратном пути из Австрии в Россию был задержан на границе австрийскими властями. Вторично за литературой и оружием поехал я и привез

того и другого около 6 пудов. Литература была распространена на месте и разослана в соседние города. Конспиративные занятия в лесу возобновились, успех был очевидный. Перспектива рисовалась нам очень отрадная. Мы регулярно из вечера в вечер ходили в лес на кружковые собеседования и начали уже поговаривать об организации рабочих массовок по примеру 1905-6 г. г.

В один из сентябрьских вечеров, когда достаточно стемнело, я подходил к опушке леса, где меня обычно встречали два-три товарища, чтобы проводить в глубь леса, где происходили самые занятия. И на этот раз, как всегда, вижу от деревьев отделяются три фигуры и направляются ко мне. Не успел я протянуть руку, чтобы поздороваться, как моментально был схвачен с разных сторон и закручен по рукам веревками. Оказывается, я попал в полицейскую засаду. Товарищи, пришедшие ранее меня, успели разбежаться. В западню попал один я. Меня повели в неизвестном направлении. Полицейские торжествовали. Не зная, кто я, и представляю ли я для них интерес, они вели себя, как победители в стране побежденных: всех встречных и нагоняемых крестьян били нагайками, орали и грозили. По дороге меня завели в какой то трактир, где находился и поджидал сам становой пристав. Увидя, что стража пришла с добычей, он сразу вскочил и впился в меня взглядом. — Кто? Откуда? Почему в Брянске? — засыпал он меня вопросами. Я назвался Михаилом Гуляком, приехавшим в Брянск искать работы. На это он мне ответил, что через несколько дней вполне установит мою личность и если увидит, что я сказал неправду, обещал запороть меня до смерти. На другой день я мог убедиться в том, что слова его не были простой угрозой: всех содержавшихся при его стане заключенных нещадно били.

Попался я в руки не брянской полиции, а полиции Радицкого стана, так как участок, на котором происходили наши собрания и на котором я был захвачен, был подведомствен радицкому становому приставу. Меня впихнули в небольшую, совершенно темную камеру, где на нарах находилось уже четыре-пять человек. Я распросил, кто находится и за что посажен. Оказывается, все

рабочие с местного стекольного завода Мальцева. Часть были взяты за драку в пьяном виде на улице, некоторые за препирательство на улице с городвым. На утро всех их стали вызывать на «допрос» в канцелярию. Через пять минут после того, как в канцелярию увели первого из них, послышались вначале жалобные стоны, которые затем перешли в отчаянные душураздирающие крики. Мы все поняли, что несчастного бьют. Товарищи уведенного переглянулись между собой и побледнели. С напряжением ждали мы его возвращения. Через несколько минут он показался, громко плача и держал правую руку навесу. Его ввели в камеру и взяли следующего. Из канцелярии вновь понеслись душураздирающие крики. Товарищи приведенного робко спросили, за что били. Лицо у него было в кровоподтеках. А он, продолжая плакать, приподнял руку и говорит: «что лицо, — вы посмотрите, что они сделали с моей рукой». Ладонь руки была сине-багрового цвета. Она и вся рука до локтя были вздуты. Весь допрос в канцелярии состоял в том, что ему приказали вытянуть правую руку и держать ладонью вверх. Затем специальной палкой, обмотанной медной проволокой, начали немилосердно бить по ладони. Как только от нестерпимых болей, после первых ударов, он отдернул руку, его начали избивать по лицу и по голове. Его заставили принять на руку пятьдесят ударов и по окончании экзекуции заявили, что если он вторично попадет под арест, то получит сто ударов. Никаких иных протоколов не составлялось. Так же избитый и со вздутой рукой возвратился второй из них. Той же участи один за другим подверглись остальные.

Около полудня повели на допрос меня, но не в канцелярию, а в дом пристава, который находился тут же в общем полицейском дворе. Становой пристав Лужецкий был известен по всей Орловской губернии, как неутомимый искоренитель всяческой крамолы. Он сыграл большую роль в ликвидации революционных настроений среди местных рабочих и в вылавливании опасных элементов. На него раза два производились покушения, но безуспешно. Целыми днями он рыскал по своему округу, стараясь всюду быть сам и следить за тем, чтобы у

него не было «ни соринки». И действительно, у себя в районе Радицкого стана он навел идеальный полицейский лоск. Все перед ним трепетало или раболепствовало. И полицейские и штатские величали его не иначе, как барин. Некоторое время перед этим орловский губернатор публично благодарил его за образцовый порядок, установленый в его округе.

С внешней стороны Лужецкий являлся здоровым, широкоплечим мужчиной лет сорока, одетым в офицерскую форму. Белобрысые волосы его были острижены «под ежика» и придавали его свирепому лицу еще большую свирепость. Его глаза, взгляд и подход напоминали собой страшного цепного пса, который вот, вот набросится и начнет грызть жертву. С таким именно взглядом он подошел ко мне перед допросом. — «Слушай, ты должен сказать о себе всю правду. Скажешь правду, будет хорошо, не скажешь, — будь я сукин сын, если ты выйдешь живым отсюда. Ты сам видишь — мы действуем строго». Я рассказал ему вымышленную историю о том, что приехал в Брянск несколько дней назад в поисках работы, — надеясь получить ее либо в брянском арсенале, либо на паровозостроительном заводе в Бежице; что мой арест около леса лишь простая, неприятная для меня, случайность. Я видел, что рассказ мой произвел на него впечатление; мой «железный» паспорт подтверждал правдивость рассказа. Но в то же время, в глубине души, по какой то интуиции, он чувствовал, что за мною скрывается другой человек. Хотя он все время не менял своего зверского выражения и тона, я отлично уловил в нем некоторое колебание души, сотояние раздвоенности. Он аккуратно записал в протокол все сказанное мною и, отсылая обрато в камеру, вновь пригрозил мне.

На следующий день пришла сестра Ипатова — Клавдия и дала обо мне сведения, в общем совпадающие с теми, что я давал накануне. Лужецкий совсем заколебался и решил, кажется, ограничиться справкой обо мне не в Подольской губернии, а у Брянской полиции. Отсылая меня в камеру, он в последний момент спросил меня, женат ли я. Я сказал, что женат — (по паспорту я значился женатым). — Как же Ипатова только что сказала, что

ты холост? — воскликнул он, и все прежнее подозрение вновь вернулось к нему. Напрасно я говорил ему, что Ипатова мало знает меня, что она высказала только свое предположение. Он весь уже зарядился против меня. Из его квартиры меня в сопровождении трех стражников повели прямо к фотографу и сняли в двух видах. Я видел, что дело мое принимает грозный оборот и по пути к фотографу и обратно высматривал, нельзя ли дать тягу. Но на успех не было ни одного процента, и я благополучно был доставлен в свою камеру.

В камере я напряженно стал обдумывать свое положение. Мне предстояло — или быть раскрытым и тогда смертная казнь неминуема или (при нераскрытии) быть осужденным за бродяжничество на 4-6 лет каторги. А это означало вечно находитсья под угрозой быть раскрытым и казненным. Все во мне говорило, что надо бежать и бежать сей час же, пока я нахожусь здесь в стане, а не переведен еще в брянскую тюрьму. Я внимательно осмотрел свою камеру, и луч надежды блеснул во мне. Арестантская, в которой я помещался, представляла собой довольно крепкий деревянный дом (сруб), который стоял в самом заду двора полицейского управления. В этом доме имелись две камеры и комната полицейского стражника, который находился при арестантах день и ночь. Двери из камер вели в комнату стражника, так что когда арестованных выводили в уборную, находившуюся во дворе, то они всегда должны были проходить комнату стражника и пройти часть двора. Уборная находилась сбоку арестантской и примыкала к небольшому заборчику, в нескольких шагах от которого начинался лес.

Наша камера всегда была заперта тяжелым замком снаружи. Но комната стражника, из которой выход вел во двор, была открыта, и даже в том случае, когда стражник бегал за чем либо на улицу, он ее не закрывал. Выйти из камеры прямо на двор, минуя комнату стражника, — нечего было и думать: стены были сложены из очень толстых бревен, с которыми ничего нельзя было сделать. Но две внутренние стены камеры, отделявшие нас от стражника, были сбиты из досок. Между досками местами были даже небольшие щели, через которые можно

было видеть, что делается в стражницкой. Доски шли в горизонтальном положении. Я внимательно осмотрел их и увидел, что все они обоими концами входят в паз и прибиты поэтому наглухо. Все, исключая одной. Строитель внутренней стены должен был в одном месте срезать паз на ширину доски, дабы, благодаря этому, по порядку вогнать доски в пазы и разместить их одна за другой. Там, где паз был срезан, легла последняя доска. Одним концом она вошла в паз, а другим легла на срезанное место и была приколочена двумя большими гвоздями. Если прибитый гвоздями конец оторвать, тогда второй конец доски легко можно вынуть из паза; образуется отверстие, через которое легко можно пролезть в комнату стражника, из нее во двор, а из двора через забор в лес. Этот план бегства я и наметил себе.

У меня не было никакого оружия, с которым бы я приступил к делу. Я достал было из нар гвоздь, но сейчас же убедился, что он никакой помощи не принесет мне: доски были слишком крепко прибиты. Если бы была веревка, можно было бы через щели просунуть конец ее сверху намеченной доски и обратно вытянуть этот конец снизу ее. Тогда можно было бы тянуть за оба конца веревки к себе и оторвать доску. В качестве такой веревки я попробовал, было, шнурки от своих ботинок, но они моментально разорвались, не оказав никакого действия на прочно вбитые гвозди.

Дни тем временем шли. Я мог действовать лишь в те моменты, когда оставался один в камере и когда мой стражник Макушин выбегал за чем либо на улицу. Такие моменты случались редко. Обычно, со мной сидело несколько человек, пригнанных из разных мест района. В первый же день они были избиваемы, а затем отсиживались по несколько дней в арестантской вместе со мной. Однажды из села Дядькино, за оскорбление урядника, пригнали группу молодых заводских рабочих, человек в шесть. В течение недели, что они сидели со мной, их били несколько раз. Еды не давали никакой. Лишь к концу недели выдали на каждого по полтора фунта хлеба и поставили ведро с водой. Все это так на них подействовало, что двое поговаривали о самоубийстве, некоторые

предлагали бежать. Люди были настроены революционно и из разговоров с ними я узнал, что они причастны к революционному движению и имели связи с максмалистами. Я решил, что можно доверить им свою мысль о побеге и попросить их помочь мне сорвать доску. Часть из них охотно откликнулась на мою просьбу, но другие, находившиеся во второй камере, напротив, запротестовали, когда мы начали тянуть доску. Им об'яснили, что это делается для человека, которому грозит тюрьма. Не согласились: — пусть бежит тогда, когда мы уйдем, а иначе мы будем отвечать за его побег. — Пришлось ждать их ухода.

Положение мое между тем становилось крайне тяжелым. За 12-13 дней, что я находился здесь, мне выдавали хлеб всего два раза по полтора фунта; часто по целым суткам не давали воды. В течение первой недели я испытывал острые муки голода, которые затем несколько утихли. В нарах находились миллионы клопов, которые свирепо кусали и не давали спать. Но клопы были сущими пустяками в сравнении с другим врагом, который ежедневно точил меня. Это холод. Был конец сентября. Погода стояла и холодная и сырая. В окне моей камеры не было не только стекол, не было даже и рамы. Стояла лишь здоровая железная решетка. Погода на дворе и в камере была одна и та же. Меня не хватали лишь дожди. Я был взят в легком пиджаке и в нем одном спасался. Никаких подстилок не было — голые нары и голый пол. Днем было еще терпимо. Но как только наступал вечер и особенно ночь, камера наполнялась страшным холодом и не было от него спасения. В это время невозможно было ни лежать, ни даже сидеть. Я подымался на нары, прижимался к углу, стараясь уклониться от потока сырого и холодного воздуха, и так простаивал все ночные часы. Засыпать удавалось лишь утром, когда несколько теплело. От голода и холода я очень ослабел, нары и пол камеры были сплошь усеяны моими волосами, которые стали безостановочно сыпаться с головы. Лужецкий хотел довести меня до отчаяния и заставить сознаться. Как мне потом передавали, он мог держать меня у себя не более недели, по истечении которой обя-

зан был передать уездным властям. Но жажда отличиться, заслужить новый чин толкали его на нарушение закона и на применение ко мне мучительных средств, дабы вынудить сознание. Я не сдавался, и глухая, но упорная борьба с обеих сторон тянулась изо дня в день.

Прошло уже недели две, как он допрашивал меня последний раз. И вот он вновь вызывает меня и заявляет, что пришла справка из Подольской губернии обо мне. — Оттуда пишут, что никакого Гуляка у них нет, и значит ты соврал, назвавшись уроженцем Подольской губернии. Слушай, Гуляк, — продолжал он более миролюбивым тоном, — чего ты упорствуешь? Человек ты известный, но ты не хочешь сказать, для чего приехал в наш город. Расскажи откровенно и дело, вероятно, прекратится. — Я видел, что он соврал насчет справки из Подольской губернии и насчет моей известности. Я продолжал настаивать на своих первых показаниях и просил перевести меня в Брянск, зная, конечно, что этого он в настоящее время не сделает. Он заорал: — Никуда ты отсюда не пойдешь, пока не сознаешься во всем. На днях холодную (арестантскую) будем ремонтировать и ты будешь посажен в хлев на привязь, будешь валяться там на грязной земле.

Положение мое ухудшалось. Я видел, что срок оставался мне небольшой. Через неделю, самое большое — через две, из Подольской губернии придет справка о Гуляке, будет установлено, что я не Гуляк, и после этого меня немедленно переведут в тюрьму. Необходимо приложить все усилия, чтобы бежать до этого срока. Ежедневно я пользовался каждой минутой, когда стражник Макушин выбегал за чем либо на улицу. Я все тянул доску, но безуспешно. Во время одной из таких попыток Макушин, стоявший за воротами двора, услыхал скрип в моей камере. Он быстро вбежал в арестантскую, схватил тяжелую нагайку и ко мне. — Что за скрип был? — Я ловко нашелся, сказав, что скрипят нары, когда на них сидишь. Нары действительно скрипели. В течение нескольких минут Макушин выстукивал молотком решетку на окне, пол и стены. Посмотрел на мою доску и ударил по ней раза два кулаком. Доска прочно держалась

на своем месте. Страшно-подозрительный он вышел, пригрозив засечь нагайкой, если что случится. Я стал продолжать свою работу более осторожно, хорошо зная, что в случае ее обнаружения буду действительно избит и засечен нагайками.

Прошло уже три недели со времени моего ареста. Меня по прежнему почти не кормили. Я очень ослаб, но духовная энергия не покидала меня и я каждодневно брался за свою работу. Однажды утром, часов в девять вижу из своего окна, как спешно запрягают для пристава тройку лошадей. Он сам тут же одетый, бегает и отдает распоряжения. Мой стражник Макушин также одет по дорожному. Смотрю — он садится в фаэтон пристава и тоже едет с ним. Сердце мое учащенно забилось, у меня мгновенно пронеслась мысль — сейчас или никогда. Как только они выехали со двора, я взялся за работу. На этот раз у меня в руках было довольно крепкое орудие для срыва доски: я снял с себя кальсоны и через щели охватил ими конец своей доски. Прежде чем решительно тянуть ее, я внимательно осмотрел внутренность двора. В нем никого не было. Лишь на улице, из под ворот виднелись ноги часового, стоявшего на карауле. Я стал тащить. Доска шла горизонтально на высоте моего плеча и это не позволяло мне проявить всю силу и ловкость. Я тогда поднялся на нары, одной ногой уперся в них, а другой в стену и стал изо всех сил тащить. Проклятая доска не поддавалась. Я бился над ней уже с четверть часа, изодрал себе руки в кровь, а она ни с места. Наконец я увидел, что гвозди слегка сдвинулись. Это меня ободрило и влило новые силы. Я напряг все свои мускулы и еще раза два-три отчаянно дернул за доску и вдруг, потеряв равновесие, с размаха упал на нары, которые тут же рассыпались подо мной и с сильным грохотом посыпались на пол.

В первое мгновение я не понял в чем дело, думая, что я нечаянно оборвался и упал. Но когда поднял глаза, я увидел широкую полосу света на том месте, где находилась доска. Один конец ее был оторван и, свесившись вниз, она держалась на другом конце. Я быстро

подбежал и поставил доску в прежнее положение, чтобы не бросалось в глаза. В этот момент из конюшни выбежал конюх и кинулся к моему окну. — Что ты тут делаешь? — закричал он. Я отвечал, что упали нары, когда я поворачивался на них. — Нары, — Макушина нет, он бы тебе показал нары, — проворчал он и пошел к себе в конюшню. Увидав вышедшего в это время писаря, он сказал ему насчет моих нар. Тот махнул рукой и пошел обратно в канцелярию.

Осмотревшись, я вылез через щель в комнату стражника. И здесь, к удивлению моему заметилъ, что из окошечка соседней камеры на меня смотрит молодой человек, посаженный туда накануне. Глаза его были расширены и выражали страх. Я схватил со стола Макушина свою шляпу, пихнул ее себе под полу и быстро подошел к выходной двери. Приоткрыв ее на маленькую щель и убедившись, что во дворе в этот момент никого нет, я вышел и, наклонив голову, пошел к уборной. Никто меня не заметил. За уборной я стал уже невидим. Я надел шляпу, перелез через забор и первые несколько шагов прошел не спеша, стараясь на случайных посторонних или на стражников, если бы они оказались поблизости, произвести впечатление человека спокойно прогуливающегося около леса. Но едва я вошел в лес и деревья стали прикрывать мою фигуру, я бросился бежать, углубляясь все дальше и дальше в лес. Бежал я версты три, а затем, устав, пошел обычным шагом. Несколько раз я останавливался и прислушивался: никакой тревоги не доносилось. И я опять с новой энергией удалялся.

Я удалялся вглубь знаменитого Брянского леса, который тянулся в разные стороны на сотни верст. Я знал, что в нем масса волков, часто приходящих даже к селениям, и что в нем не редкость набрести на медведя. Как раз за год перед этим наши рославльские товарищи — Абрам Хазанов и др., — спасаясь от полиции и войск в брянских лесах, имели там встречу с медведем. Но волки и медведи — все таки меньшее зло в сравнении с теми двуногими, которые могли гнаться за мной по пятам.

Поэтому я с облегченным сердцем, как к жизни, шел вглубь богатырского леса.

Шел я в чаще, избегая выходить на тропинки. Руководствуясь солнцем, я взял направление на станцию Льговскую, находившуюся верстах в 15 от места моего побега, и расчитывал прибыть туда часам к двум-трем дня. На Льговской проживали товарищи, у которых я надеялся устроиться.

Прошло уже часа два с момента моего бегства. Я решил выйти из чащи леса и идти тропинками, считая, что нахожусь верстах в 12-ти от места побега и не подвергаюсь более опасности попасть в руки погони. С четверть часа я шел дорожкой и вдруг вижу — саженях в 30 от меня мою тропинку пересекает верховой стражник. На момент он остановился на перекрестке двух тропинок, как бы раздумывая, куда далее ехать, и повернул голову в мою сторону. Я бросился в кусты и в чащу леса. Он дважды выстрелил и огласил лес отчаянным воплем, созывая остальную стражу. Впопыхах, на сильном ходу я зацепил ногой за корень дерева и со всего размаха растянулся по земле. Шляпа моя слетела, и я никак не мог ее розыскать. Стараясь обмануть, стражника, я взял направление обратное тому, по какому побежал, и через две минуты неожиданно выскочил на железную дорогу, проходившую по лесу. Я перебѣжал ее и стал углубляться в чащу. Железная дорога загибала по лесу, и я слышал, как стражник, подскочив к группе путевых рабочих, спросил, не видали ли они, чтобы кто пробегал. Те ответили, что не видели. Я стал все дальше и дальше уходить от опасного места, и часа через два облегченно вздохнул. Я присел у одного дерева, как вдруг недалеко от себя слышу собачий лай — целая свора собак лает и заметно движется. Ужасная мысль мелькнула в голове, — на меня, должно быть, спустили собак, от которых нет никакого спасенья. Я ранее слыхал, что брянская полиция практиковала этот способ при розысках беглецов. Я вскочил и что было силы побежал в сторону от лая. Но в ту же минуту меня ударила мысль, что бегством по лесу я только притяну к себе собачью свору. Я оглянулся, ища спасенья. Взгляд мой упал на ги-

гантское дерево. У основания его земля возвышалась холмом. Я знал, что такие холмы имеют внутри пустоту. Я нашел расщелину, заросшую мохом, и целиком влез в эту расщелину под корни дерева. Около моего дерева лежало другое поваленное, которое своим гигантским стволом закрывало вход в мое убежище. Я пролежал в нем несколько часов. Собачий лай давно умолк. Начало темнеть и полил дождь. Часа через два вода проникла в мое помещение, но я решил пролежать в нем по крайней мере до полуночи и уже потом выбираться из леса. Слышно было, как неподалеку где-то проходят железнодорожные поезда.

Поздно ночью — я думаю, было уже более двух часов — я выбрался из своей норы и стал осторожно пробираться в сторону шума поездов. Дождь все время шел, но в лесу стояла глубокая тишина, и треск веток, попадавшихся мне под ноги, далеко разносился. Я исходил из той мысли, что в лесу где-то находится засада, и поэтому старался продвигаться, как можно бесшумнее, дабы не быть услышанным.

Приблизительно, через час, я увидел, что иду в сторону, обратную от железной дороги. Я пошел назад, стараясь точно держаться того места, откуда несется шум проходящего поезда. Не проходит и часа, как я слышу шум поезда опять позади себя. Я еще и еще меняю направление и каждый раз путаюсь. Уже совсем рассвело, а я все блуждаю по своему лесу. Тогда я понял, что ходить по большому лесу, не зная способов ориентировки, трудно и опасно. В течение всего дня я метался от одного места леса к другому — и все напрасно. Я попал как бы в заколдованный круг и начал уже отчаяваться. Дождь шел, не переставая, а я от беспрерывной беготни обливался потом. Силы, однако, не покидали меня. Я попытался, было, взобраться на одно высокое дерево, чтобы с него наметить направление себе, но не смог долезть и до половины его. Начинало уже смеркаться, а я все нахожусь в том же положении, что и накануне ночью. В конце концов от чрезмерного физического и духовного напряжения у меня появились галлюцинации зрения и слуха. Я делал огромное усилие воли, что-

бы не попасть им во власть и, действительно, освободился от них. Уже часов в пять вечера, не держась никакого направления, я случайно вышел на железную дорогу. Идти по ней было еще рано, но я уже не упускал ее из вида. Как только окончательно стемнело, я выбрался на полотно дороги и пошел по шпалам. В ближайшей сторожевой будке я спросил, правильно ли иду на Льговскую. Оказывается, я шел в противоположном направлении и оказывается, я попал совсем не на ту дорогу. Вместо Киево-Московской, как я предполагал, я шел по Риго-Орловской дороге. До Льговской мне предстояло пройти около 25 верст. Я безостановочно шел их и прибыл на Льговскую после полуночи. В ту же ночь я получил помощь от друзей, до которых добрался. Я вынужден был просидеть несколько дней на конспиративной квартире, пока на вокзалах не была снята усиленная слежка за мною. Через неделю я был уже в Москве.

* * *

Товарищей читателей может заинтересовать судьба лиц, которые были связаны с описанными событиями.

Абрам и Владимир, приезжавшие на наше освобождение в Александровск, вскоре после этого погибли. Абрам был застрелен на Амуре отрядом стражников недели через две после возвращения из Александровска; Владимир был повешен в екатеринославской тюрьме через несколько месяцев после казни Бабешко.

Тарас Онищенко попал на каторгу по ряду иных дел. Его участие в нашем александровском побеге не было раскрыто. Как передавали, он умер в Шлиссельбургской крепости от побоев и затем от туберкулеза.

Николай был одно время сослан в Сибирь под чужим именем; после вернулся. Ни разу он не был раскрыт царской полицией. До настоящего времени он живет на Амуре и ведет жизнь честного пролетария, работая на одном из амурских заводов.

Григорий Ипатов осенью 1910 года во время раскрытия нашей московской организации и всеобщих арестов членов этой организации, оказал вооруженное со-

противление стражникам в районе Брянска и был убит. Евстафий Ипатов судился со мной в Москве в 1911 г. по делу 36-ти*) и в Бутырках отбывал каторгу; его сестры — Клавдия и Антонина — крепостное заключение за связь с братьями и Михаилом Гуляком. После революции проживали на старом месте в Брянске.

Василий Густавович Бек долгие годы был преследуем полицией и жил в нищете. В 1917 году, по выходе из тюрьмы, я навестил его в Екатеринославе. Он был уже шестидесятилетним полустариком, но мужественно относился к событиям. Социальный переворот в России полностью поддерживал. Летом, в 1919 г., при наступлении деникинцев на Украину, был схвачен белыми и, по сообщению, расстрелян ими за сочувствие и поддержку революции.

Анастасия Галаева была в 1911 году осуждена в каторжные работы по делу группы А. К. «Интернационал». После революции 17 года возвратилась из Сибири и продолжала работать в анархическом движении. Умерла в 1927 году от туберкулеза легких.

Становой пристав Лужецкий в дни керенщины был в армии и задавал тон в солдатском комитете. После октябрьского переворота, по настоянию брянских рабочих, в частности Евстафия Ипатова, был расстрелян.

Судьба Кривоноженко осталась неизвестной.

Париж, 17-31 августа, 1929 г.

---

*) В августе 1910 года в Москве произошел ряд арестов, которые повели к раскрытию наших организаций в Москве, Калуге, Брянске и др. городах. В августе 1910 г. я с транспортом оружия был арестован в Австрии, куда приехал только что из Москвы. В мае 1911 года по тробеванию русского правительства я, как неизвестный, но причастный к делам московских анархистов, был выдан австрийскими властями в распоряжение московской судебной палаты. Лишь на суде, т. е. 14 месяцев спустя после ареста, я назвал настоящее свое имя.

Согласно условиям выдачи, судить меня должен был гражданский, а не военный суд. Таким образом, александров-

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примечание. Настоящий некролог написан тов. П. Аршиновым в 1908 г. В январе 1909 г. он был помешен в № 4 листка «Бунтарь». В виду того, что некролог был посвящен Василию Бабешко, автор избегал говорить в нем о себе. Поэтому в террористическом акте над Василенко основную роль он отвел Бабешко, умолчав о своей роли. В действительности же дело было так, как рассказано в воспоминаниях «Два побега».

Данный некролог проливает дополнительный свет на личность Василия Бабешко, бывшего почти безымянным и в то же время замечательным представителем рабочего класса. Поэтому автор решил приложить его к своим воспоминаниям о двух побегах.

Издательство «Дело Труда».

ВАСИЛИЙ БАБЕШКО
(Некролог).

На рассвете 14-го июня 1907 года был повешен екатеринославский рабочий Василий Бабешко.

Сын бедных рабочих, Василий с детских лет работает в екатеринославских жел.-дорожн. мастерских Еще в 1894 г. он сталкивается с социалистами - революционерами и вступает в их партию. С 15-ти лет Бабешко всецело отдается революционной деятельности: неустанно агитирует, устраивает рабочие кружки, распространяет литературу.

Когда вспыхнула забастовка 1903 года, Василий энергично снимал с работы еще не забастовавших рабо-

---

ское дело — Василенко и побег из тюрьмы — отпало. Московская судебная палата, учтя это, судила меня за ряд дел, пред'явленных группе 36 анархистов, и присудила к 20 годам каторжных работ.

чих, был впереди во всех столкновениях с полицией, горячо призывал забастовщиков к борьбе, к насилию. За эту забастовку он одним из первых был выброшен из мастерских.

Позже он поступает в печной завод Бельгийского общества в Нижне-Днепровске. Здесь он уживается недолго: в качестве делегата от рабочих Василий вступает в переговоры с администрацией завода, желающей понизить задельную плату. Происходит «столкновение» с мастером, и Василий снова на улице.

Долго после этого он ходит без работы, но все же его мысли всецело посвящены революционной деятельности.

Наконец, его принимают в паровозное депо станции Гришино Екатерининской жел. дороги. С первого же дня он отдается пропаганде: устраивает кружки, печатает прокламации, стремится организовать тайный рабочий союз. Последнее ему удается плохо Среди всех рабочих он почти единственный устойчивый революционер. Полиция же начинает зорко следить за каждым шагом рабочих. Наконец, после одной особенно резкой прокламации, жандармы нагрянули к нему на квартиру. Но заранее предупрежденный Бабешко благополучно скрывается со станции Гришино. К этому же времени относятся его первые спорные столкновения с партией С.-Р., в которой он, однако, продолжает оставаться.

После этого Василий работает в главных жел.-дор. мастерских гор. Александровска. Здесь он остается вплоть до декабрьского восстания 1905 г. С первых же минут и до подавления восстания Василий занимался изготовлением и метанием бомб. Появляясь со своими бомбами на самых опасных местах, он силился придать революции возможно более широкий размах. На этой почве у него происходили нескончаемые трения с партией. Наконец, после одного «глупого», по словам Василия, распоряжения комитета партии, он заявил, что не будет считаться с партийной дисциплиной и тактикой. Василий сорганизовал вокруг себя кружок и стал действовать вполне самостоятельно, но и в это время он все еще считал себя социалистом - революционером.

После подавления декабрьского восстания, почти всех активных участников его рассчитали и отдали под суд, но Василий удачно избежал ареста и вновь переехал в Екатеринослав.

К этому времени в среде сознательных рабочих идет сильное брожение против политических партий. Многие из них откалываются от старых организаций и входят в группы А.-К. или организуются новые. Среди таких и Василий Бабешко.

На заводе Шодуара, на Амуре он встречается с рабочими - анархистами. Здесь идет тщательное обсуждение целей и тактики с-ров. В середине 1906 г. Василий окончательно уходит из партии социалистов-революционеров, об'являя ей, как и остальным партиям буржуазии непримиримую войну.

Много передумал, много книг перечитал в это время Василий. Еще и еще возвращалась его мысль ко всем партиям, которые называют себя революционными и пролетарскими. Опять и опять стремилась она среди них найти ту, которая не укрепляет богатых, не дает им в руки новых орудий для порабощения бедноты, не создает для бедноты новых цепей. В конце концов он остановил свой выбор на анархизме.

Под Черным Знаменем борющегося пролетариата Василий храбро сражался до последней минуты своей богатой событиями жизни.

В конце 1906 года военно-полевые суды работали во всю. Василий готовит ответ на эту тактику повального истребления рабочих. 22 декабря 1906 г.он с группой товарищей организует нападение на полицию Амура *) Предполагается одним ударом убить весь или хоть половину состава Амурской полиции. К сожалению, покушение это удалось не совсем. Вместо 15-20 человек бомбы Василия убили только трех казачьих офицеров, 1-го околодочного и стражника, да разрушили полицейский участок.

В рабочей среде этот акт вызвал много сожаления, о том, что убиты «не все собаки», в особенности, что з

*) Предместье Екатеринослава.

живых остался «искоренитель» анархистов Кривоноженко.

Вслед за этим Василий организует второй удар полиции. В недостроенном доме он помещает сильный снаряд и легким взрывом старается заманить туда полицию. Только месяц спустя какая-то женщина натолкнулась на бомбу. Явившаяся полиция взорвала ее на месте и, конечно, не понесла при этом потерь.

На заводе Шодуара, где Василий в это время работал, он пользовался глубоким уважением и симпатией. Всегда абсолютно правдивый, прямой и искренний он пользуется общим доверием.

Когда началась организация легальных профессиональных союзов, Василий горячо восставал против них. «Легальные союзы», правильно об'яснял рабочим Бабешко, «могут действовать только так, как это не опасно буржуазии, разрешившей их. Богачи для того и разрешают рабочим об'единяться в открытые союзы, чтобы направить рабочее движение по мирному, бесполезному для рабочих и неопасному для них пути. Только в тайном союзе рабочие могут применять единственно полезные — резко-насильственные способы борьбы». Балгодаря этой агитации Василия, много рабочих покинуло легальные союзы, задумалось над организацией тайного союза.

В феврале 1907 г. часть рабочих хочет провести Василия выборщиком в Государственную Думу. «Не в депутатах дело, а в наших кулаках — бороться нужно, а не в Думу выбирать» — резко отказывается он от этого предложения и подготовляет свой ответ на открытие Государственной Думы: предполагается к 20-му февраля в 3-х крупных губернских городах и Екатеринславском Амуре устроить крупные динамитные покушения на «искоренителей революции» из администрации и буржуазии. Простая случайность — недоставленный к сроку динамит — помешала проведению этих актов в жизнь.

Две недели спустя, Василий отправляется в г. Александровск. Эта поездка оказалась для него роковою.

Как сказано выше, Василий был в числе, за декабрьское восстание, рассчитанных и отданных под суд, алек-

сандровских рабочих. Большую роль сыграл в этом процессе инженер Василенко, начальник главных железнодорожных мастерских. На его показаниях и была построена существенная часть обвинительного акта. Он немало поработал над «искоренением крамолы» и до последних дней собирался «у себя в мастерских завести порядок».

7-го марта 1907 г. Василий вместе с товарищем по заводу Шодуара выждал у мастерских Василенко и на глазах многочисленных рабочих, с возгласом: «смерть врагам рабочего класса!» тремя выстрелами из браунинга уложил его наповал. После отчаянной перестрелки он вместе с товарищем был взят живым, сильно избит и предан военно-полевому суду.

«Если бы я не убил Василенко, — говорил он на суде, после об'явления смертного приговора, —его убил бы какой-нибудь другой рабочий, — он был врагом рабочего класса, а со своими врагами рабочий класс будет всегда расправляться так, как я расправился с Василенко.

Идя на казнь, Василий был удивительно спокоен. Всю дорогу он тихо переговаривался с солдатами и об'яснял им, за что погибает. Но под самой виселицей исполнение приговора неожиданно приостанавливается. Дело передается в Одесский военно-окружной суд. Воспользовавшись этим, Василий с товарищем решаются бежать. Они завязывают сношения с волей и в ночь на 22-ое апреля во время пасхальной заутрени пять товарищей делают смелый набег на тюремную церковь, убивают старшего надзирателя, ранят еще троих и открывают для всех заключенных двери тюрьмы. Вместе с Василием бежало 16 человек.

Но, увы, не долго пробыл он на свободе. Без денег, без оружия, без средств скитался он по Екатеринославу, переходя с одного ненадежного места на другое. Совершенно неожиданно, он был захвачен сильным нарядом полиции. Его посадили в Екатеринославскую тюрьму и через несколько дней военный суд вторично вынес ему смертный приговор.

Председатель суда предложил Василию подать на высочайшее имя просьбу о смягчении приговора.

«Просить помилования значило бы раскаяться в своей деятельности, мне же не в чем раскаяться, — ответил на это Василий и на ближайшем же свидании передал товарищам свое последнее желание: «пусть моя смерть не останется без мести».

В последнем письме Василий писал: «много я пожил для того, чтобы как следует быть поработать для дела революции».

Мысль о побеге все же не оставляла его до последней минуты. Но в успех побега он и сам не верил. Слишком уж бдительно смотрели за ним. Предвидя скорый конец, он вместе с пятью товарищами предпринял последнюю отчаянную попытку. Набросившись на дежурного надзирателя, они задушили его. Но это ни к чему не привело. Изрубленные шашками они были связаны. Сейчас же после этого Василий был казнен. В последнюю минуту поп предложил ему исповедаться. Василий со смехом отказался от этого предложения, сам подошел к виселице, сам же накинул на себя и петлю.

Так жил и умер Василий Бабешко.

Пусть же воспоминание о нем мощно толкает мир обездоленных на борьбу за лучшее будущее, за анархический коммунизм!

ИЗДАНИЯ «ДЕЛО ТРУДА»

«Дело Труда» — ежемесячный орган русских анархистов - коммунистов. Вышли №№ 1 - 53. Адрес журнала:

Librairie G. Franssen (pour Dielo Trouda) 11, rue de Cluny, Paris V.

«Большевистская диктатура в свете анархизма» (Десять лет советской власти) 141 стр. Париж 1928 г.

«Новое в анархизме» П. Аршинов (К чему призывает организационная платформа) 24 стр. Париж 1929 г.

«История махновского движения» П. Аршинов (1918 - 1921 г. г.) 258 стр. с наглядной картой района и движения. Издание Группы Рус. Анархистов в Германии. Берлин 1923 г.

Все издания можно получить через журнал **«Дело Труда»**.

IMPRIMERIE «PASCAL», 13, RUE PASCAL, PARIS-5e